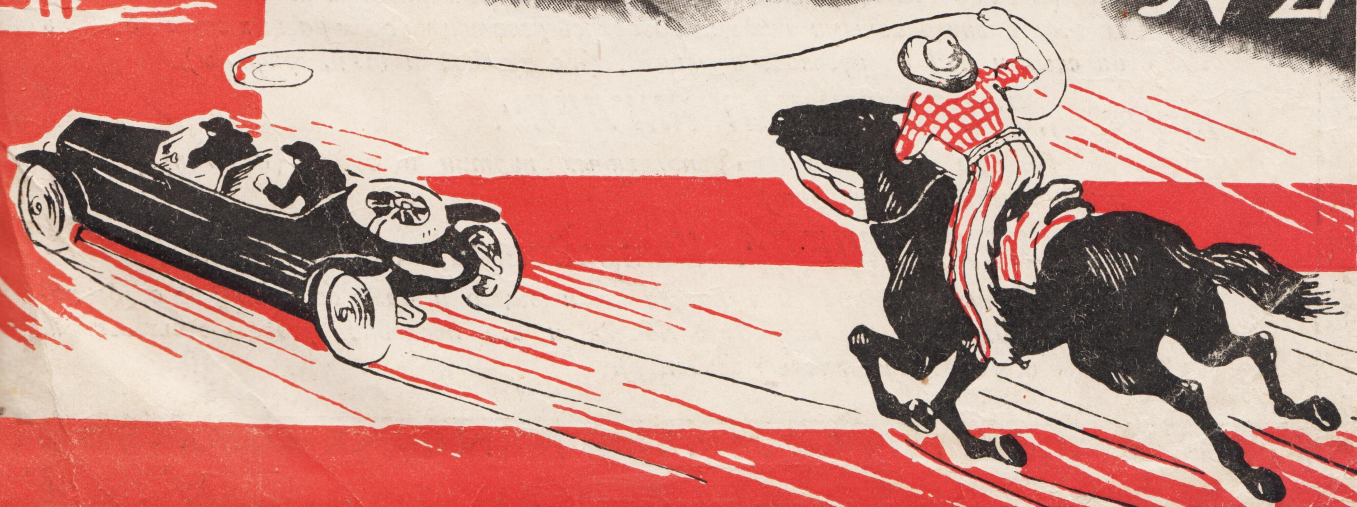

Вокруг Света

№2

О ПРИЛОЖЕНИЯХ К ЖУРНАЛУ „Вокруг Света“

Желая возможно больше заполнить досуг своего читателя, занять его свободное время, наш журнал решил дать своим подписчикам до 100 листов богато иллюстрированных приложений за очень скромную доплату (3 руб.), которую можно еще и рассрочить,

Все эти приложения тесно связаны с программой журнала и рассчитаны на то, чтобы возможно шире удовлетворить интересы нашего читателя к путешествиям, спорту и приключениям.

Все приложения будут даны на хорошей бумаге, богато иллюстрированы и в цветных обложках.

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: А. Конан-Дойль „СТРАНА ТУМАНОВ“.

(Новое захватывающее путешествие в загадочную страну. Если уже один текст романа сам по себе настолько интересен, что читатель не может от него оторваться, то прекрасные иллюстрации еще более усиливают и без того сильное впечатление от нового произведения известного английского писателя).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно „открывал“ всю землю с самых седых времен до настоящего времени).

4 книги: Марк Твен „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“. „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию Октябрьской революции.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настольная книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 2

1927 г.
ФЕВРАЛЬ
28

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: „Хакануне“ (О китайских событиях). — М. Зуев. „Кино-сеанс в Туань-Ху“. — К. К. „Заклинатели крокодилов“. — Л. Хокан-Дойль. „Жилища под вуалью“. — * * * Изменяется ли лицо земли? — С. П. Райт. „В бегах“. — Л. Хирпичников. „Великие перелеты 1926 г.“ — Л. Черновский. „Министры-отравители“. — Мак. „Город жирных ветров“ и др.

НАКАНУНЕ!

Китай переживает ныне великое «накануне»: юг сталкивается с севером, национальная свобода — с иностранным угодничеством, революция — с черносотенством.

Во главе связанного с империалистическими державами севера стоит маршал Чжан-Цзо-Лин, хорошо известный как своей дружбой с нашими белогвардейцами, так и своей злобой к Советскому Союзу. Читатель помнит, конечно, как эта дгужба и злоба одновременно проявились в беззащитных наскоках этого удачливого пока генерала на Восточно-Китайскую дорогу.

Теперь идет более крупная игра. Северный маршал, в союзе с другими реакционными генералами, решил двинуться на юг, овладеть Хенанью, богатой провинцией, через которую лежат пути к новой революционной столице, Хань-Коу.

Наш рисунок изображает этого маньчжурского самодержца вместе со своим начальником штаба (слева) и военным атташе Соединенных Штатов (справа). Фотография снята в тот момент, когда Чжан-Цзо-Лин «уговорил» У-Пей-Фу пропустить в Хенань маньчжурские войска, чтобы завладеть Хань-Коу и держать под ударом Шанхай, которым стремятся овладеть «красные» кантоны.

К СОБЫТИЯМ В КИТАЕ

ВОЗМОЖНО ЧТО И ПРИГОДИТСЯ!

Одна из улиц иностранного квартала в Шанхае, вся укрепленная заграждениями из колючей проволоки. По объяснениям английской печати, эта колючая проволока может предотвратить повторение печальных для англичан событий в Хань-Коу.

В ПОЛНОМ ПОХОДНОМ ПОРЯДКЕ

Кантонский пехотинец в „русском обмундировании“, как гласит английская надпись под этим рисунком. Насколько это обмундирование можно назвать „русским“ предоставляем судить нашему русскому читателю.

„ЛЮКОУ“—эмблема жизни и смерти маньчжурской армии, ее главный «священный» стяг.

„ИНОЗЕМНЫЕ ЧЕРТИ!“

Этот плакат приклеен был на английское консульство в Хань-Коу, а также и в других местах. Плакат был назван англичанами „большевистской пропагандой“.

Такие плакаты массами распространяются по всем городам Среднего Китая самыми различными обществами и организациями. Так, напр., в Шанхае христианским союзом выпущен плакат с изображением Христа, призывающего китайских христиан гнать вон иностранных империалистов.

Кантонские войска идут походным порядком на Хань-Коу. Любопытная часть их форменной экипировки—широкия солнечные шляпы, которые они носят на спине.

Рассказ Мих. ЗУЕВА.

Иллюстрации В. Сварога.

Небо словно выцвело от жары. Удушливо пахло нагретой землей и травой. Тело от малейшего движения покрывалось противной горячей испариной. Кобблер ребром ладони смахнул капельку пота, щекодавшую нестерпимо кончик носа и озлобленно сплюнул:

— Дьявол! Как в огне горишь! Скоро ли вечер?

— Повел взглядом тяжелых, ненавидящих глаз. Сотня фанз Гуань-Ху сгрудилась грязным стадом. Над гребнями их крыш вытянулась, как длинная любопытствующая шея, ржавая труба кожевенного завода. Дальше разметались илестые, рисовые поля. Залитые водой, отражая солнечные лучи, они слепили глаза.

— Боже милосердный, — зашептал проникновенно Кобблер, — зачем ты позволяешь существовать на твоей земле такой гадости, как, например, этот Гуань-Ху? За две недели ни одного полного сбора. Никто из этих желтых обезьян не интересуется моим кинематографом. Уж я-ль не старался? Давал драму, комедию, фарс, даже видовую — «Жизнь норвежских крестьян». А в кассе — пусто. Господи, какого же чорта им надо, а?

От чувства нестерпимой жалости к самому себе зашвербило в носу и зачесались глаза. К счастью, внимание отвлекла женская фигура, появившаяся в конце улицы. На плече у женщины, заменяющая коромысло, бамбуковая палка, на одном конце которой был привязан визжащий поросенок, на другом спокойно дремлющий ребенок.

Полюбопытствовал лениво: — кого же она для равновесия прицепила, — поросенка или ребенка?

Солнце подвинувшись вправо, напарило голову Кобблера и обрадованно впилося лучами в его непокрытую плешь. Пригретые солнцем заклубились стаи зеленых, блестящих мух. С гнетущим унылым жужжаньем крутились они над головой Кобблера, забивались в ноздри, липли к уголкам рта. Остервенело махая платком, разогнал мух и тяжело волоча ноги, перешел на другую сторону улицы, в холодок.

Оттуда критически поглядел на свой кинематограф, длинный сарай из необожженных кирпичей, с черепичной крышей, похожей издали на барку, перевернутую килем вверх. У единственных дверей сарая повисла длинная вертикальная афиша, написанная по-китайски. Черные крупные иероглифы, как отвратительные, мохнатые насекомые разбежались по полотну.

— Кто знает, что написал здесь этот паршивец Ан-Ши? Ребус какой-то! Может быть он за мои же денежки, размалевал на этой афише для всеобщего сведения, что хозяин кино, уважаемый мистер Сем Кобблер, подлец и жулик, что это-де, тот самый Кобблер, которого в Кантоне били целую ночь за крапленые карты. Нет, довольно! Завтра же испаряюсь отсюда. Поеду в Кьанг-Че, на ярмарку. Хотя туда и отправился уже Билль Ноакс со своим балаганом, но лучше дать себя уложить на обе лопатки конкуренту, чем бесславно сдохнуть в этой дыре!..

Рядом с китайским ребусом примостилась другая афиша, более скромных размеров, написанная по-английски:

КИНО „ДЖЕНТЛЬМЕН“

Сегодня исключительно—выдающая программа

Б О Е В И К

Большая кино-драма из китайской жизни

СВЕРХ-ПРОГРАММЫ

Кино-хроника. Важнейшие события на обоих полушариях нашего земного шара.

Объяснения картинам дает профессор краснословия Мак-Гиль.

— Клянусь честью, если он не явится через час, я превращу этого профессора краснословия в глухонемого! — свирепо стиснул плотные пальцы Кобблер и посмотрел выжидающе на дорогу. Но дорога красноватой лентой протянувшаяся между полями, была пуста и безлюдна.

Из переулка вынырнула кучка рабочих кожевенного завода. Остановились около Кобблера, распространяя удушливое зловоние квашеной кожи. Кто-то крикнул:

— Эй, вертел сегодня живой картинка?

— Вертел, — передразнил сердито Кобблер. — А пиастры за вас, кто будет платить? Собачья тетка?

— Оге! Сердиться не надо, хозяин! — дружелюбно ответили рабочие. — Ты вертел картинка, мы платил пиастр. Вот! Хорошо?

Хохоча и распутивая стада черных, тощих свиней запылили вниз, к поселку.

... Солнце начало скатываться к горизонту. Длинная тень заводской трубы протянулась далеко в поля. Уже в лиловое перекрасились дали. Кобблер посмотрел на часы и с горячей мольбой поднял глаза к потемневшему небу:

— Боже, не допусти убийства. Даю этому шотландскому пьянице сроку еще десять минут. Но если он опоздает хоть на...

Не dokonчил. Мольба в глазах мигнула и улетила, уступив испуганно место свирепой, холодной злобе. На дороге показался темный силуэт. Низкие, уже ползущие по земле лучи солнца, запутались в блестящих металлических спицах велосипеда. Маленький, толстенький человечек бешено дрыгал коротенькими ножками, нажимая из последних на педали.

— Еде-ешь? — тоном предвещающим недоброе, протянул Кобблер. — Хорошо же, дорогой Мак-Гиль!

Толстяк остановил велосипед на безопасном от Кобблера расстоянии. Сполз с седла на землю и оказался еще более маленьким и толстым. Брюхо его свисало чуть не до колен. На лицо Мак-Гилья как-будто кто-то нечаянно наступил ногой. Лоб вдавился далеко

назад, словно ища встречи с затылком. Маленькие глазки отскочили друг от друга. Но за-то подбородок вытянулся вперед, потянув за собой и нос. Бесчисленные веснушки ожогом пылали, на его и без того красном лице.

— Простите, хозяин, — разливая елей в голосе, сказал Мак-Гиль. — Я опоздал немного.

— Да, Мак-Гиль, вы опоздали! Опять опоздали! — лязгнул железом голос Кобблера. — Я знал, Мак-Гиль, что шотландцы пьяницы, но что они кроме того и негодяи, способные подвести товарища, об этом я узнаю теперь и благодаря только вам. Вам, Мак-Гиль!

— Но, хозяин... — замигал робко глазками шотландец.

— Довольно! — рывкнул Кобблер так, что доверчиво приблизившаяся к собеседникам свинья, панически метнулась прямо под ноги Мак-Гиль. — Без оправданий! Я знаю, что вы сейчас начнете лепетать!

Мак-Гиль деловито пхнул свинью в зад, почесал затылок, открыл рот. Но ничего не сказал.

— Привезли вы фильмы? — спросил Кобблер.

— Вот, — протянул шотландец два круглых футляра. — Все исполнено в точности.

— Напрасно вы отворачиваете голову, Мак-Гиль. От вас ведь за версту несет спиртным. Сколько кабаков вы сегодня обследовали? — неприязненно усмехнулся Кобблер.

Мак-Гиль кисло подтянул рот и ответил обиженно: — Грешно вам хозяин нападать на меня так. При чем здесь кабаки? — Я заезжал в аптеку пополоскать спиртом зуб. Болит чертовски. Вот этот коренной, — открыл он доверчиво рот.

— Вы лучше закройте! — посоветовал свирепо Кобблер. — А не то я!.. Вот уже тридцать дней подряд у вас болят зубы. И каждый день разные.

— Я же не виноват, что у меня тридцать два зуба, — пожал плечами Мак-Гиль.

— Что, вы привезли, драму? — ткнул Кобблер пальцем в коробку с фильмом.

— Драма. Шесть больших частей, — мотнул головой шотландец.

— Китайская?

— Да... Не... А вы знаете хозяин, я встретил в Шанхае Билля Ноакса. Он говорит...

— Мистер Мак-Гиль, — глухо прохрипел Кобблер, — заткните фонтан вашего красноречия. Я терпелив, но всему есть мера. Или вы правда хотите, чтобы я загнал ваш поганый язык туда, где у вас сейчас печенки. Отвечайте прямо, — драма китайская?

Мак-Гиль ковырнул каблуком землю и поднял на Кобблера по-детски ясный и невинный взор — Китайская? А разве кто говорил о китайской драме? Нет, драма французская.

Кобблер с хрустом стиснул зубы: — Слушайте, несчастный пропойца! Ведь вы же сами писали на афише, что у нас сегодня идет китайская драма.

Мак-Гиль поглядел искоса на афишу и с сожалением вздохом согласился: — Да, действительно. Произошла ошибка.

— Если еще раз произойдет такая ошибка, — поднес Кобблер кулак к носу шотландца, — то я буду лупить вас до тех пор, пока не затрепчат ваши веснушки. Понятно?...

Мак-Гиль посмотрел в спину уходящему хозяину. Потер по тараканьему ноги и пробормотал обиженно: — Конечно, понятно. Но только дудки! За пять долларов в неделю давать объяснения картина, продавать билеты, таскаться в Шанхай за фильмами, звать ежедневно, как воскресный нищий, эту желто-

мордую публику, а кроме того дисковать своими веснушками? Не хочу!

Мак-Гиль стало грустно и тоскливо. От виски и портера болела голова, ныла нестерпимо мозоль, на правой ноге. Подошел к маленькому пруду и сел на высокую плотину. Сняв башмак и пропотевший чулок опустил ногу вниз. Над прудом закурчался уже перламутровый туман. Прохлада успокоила ноющую боль в ноге. Стало легче и веселее. Портил настроение лишь рыбак, мотавшийся около плотины в низкобортной узкой лодке. Визгливо, в одну ноту, тянул он бесконечное:

— У-у-и-э!.. Хо-э-и-у-у!..

— Эй, умирающий лебедь, — мрачно сострил Мак-Гиль, — брось выть!

Рыбак посмотрел вверх, на свесившуюся ногу. Размахнулся и съездил по ней веслом, угодив метко в самую мозоль. Мак-Гилью показалось, что его ногу сушили в костер. Вскочил и запрыгал на одной ноге.

— Обезьяна! Желтомордый! — орал он. — Чтоб твоей матери так стучали на том свете! И чтоб бабушке! И дедушке!..

Рыбак задрал голову, хохотал, скаля ослепительно белые зубы.

Шотландец сразу успокоился: — И чего я напрасно надрылся? Ведь эти животные не пожимают, когда с ними разговариваешь по-человечески.

Слез с плотины, морщась напялил башмак и прихрамывая поплелся к кино. Зажег большие, разноцветные, из рыбьих пузырей, фонари. Кряхтя втиснулся в узкий, похожий на гроб, деревянный ящик с надписью «касса» и высунув в окошечко голову, закричал:

— Прошу подходить! Кому нужны билеты? Касса открыта! Большое вечернее представление. Вам билет? Тогда не заслоняйте мне ландшафт. Сидеть два пиастра, стоять — только один пиастр! Вам какой? За пиастр? Напрасно! Берите за два, советую. Билеты здесь! Гала представление! Идет большая кинодрама, — покосился на афишу, — из китайско-французской жизни! Эй, вы... как вас? Ну-да, вы! В соломенной шляпе который! Оставьте здесь пса. Вы хотите, чтобы ваша собака зайцем прошла? Здесь билеты! Здесь!..

2.

Зал был набит зрителями, как банка икрой.

Мак-Гиль остервенело грохнул палкой по бидону из-под бензина, заменявшему гонг:

— Даю первый звонок! Прошу занять места! Сеанс начинается.

Он переоделся и его трудно было узнать. На нем был честный квакерский сюртук, из серого альпага, выигранный в покер у проезжего фокусника. Но к несчастью, фокусник был художник, и полы сюртука не сходились на колоссальном брюхе шотландца, открывая верх засаленных парусиновых штанов.

Кобблер, от вида переполненного зала, пришедший в хорошее настроение, крикнул из окошечка демонстраторской:

— Мак-Гиль, вы похожи на переодетого патера, пробирающегося тайком в опперетку!

Но Мак-Гиль, не забывший еще разговора о веснушках, с молчаливым презрением повернулся спиной к хозяину и нырнув за экран, присосался к бутылке. Крепкий запах спирта доплыл до передних рядов зрителей.

Зал ослеп. Застрекотал аппарат. На экране заструились длинные дождевые нити. Мак-Гиль высморкался с треском, заглушив на миг механическое пианино и в тон стрекоту аппарата, загудел:

— Джентльмены! Художественная драма человеческой души разворачивается перед вами. Вы имеете честь видеть тихое счастливое семейство, состоящее из двух человек, матери и маленькой дочки, которое... готовит обед для своего обожаемого отца. Но не вечно счастье на земле, джентльмены! И к нашему счастливому семейству подкрадывается, словно волк к стаду баранов, злой гений. Вы сами, без всякого обману, видите, как отворяется дверь и входит...

На экране запрыгала надпись:

**МУЖ МЭРИ, ОБЫЧНО ВОЗВРАЩАЛСЯ
ОЧЕНЬ ПОЗДНО, ВЕЧЕРОМ...**

... — Входит этот негодяй, — заливался в упоении Мак-Гиль, — этот мерзавец и соблазнитель! Он входит смело в... Т.-е., виноват, это входит смело муж счастливой семьи. Обратите внимание, как нежно целует он руки жене, затем целует ее в лоб, затем целует дочку, затем целует... Тьфу, дьявол! Верти быстрее, — пустил уже сквозь зубы шотландец, косясь на демонстраторскую. — Не могу же я битый час рассказывать о поцелуях...

Давать объяснения было трудно. Приходилось сначала самому разбираться в запутанном сюжете, а чтобы не получались паузы, болтать в это время всякую чепуху. Но пока все сходило благополучно. Часть за частью, со скоростью курьерского поезда, мелькали на экране. Приближался конец, последней, шестой части. Чувствуя близкую передышку и возможность промочить горло, Мак-Гиль от усердия буквально рыл землю. Голос его то звенел благородным негодованием, то дрожал неподдельными слезами:

... — Она умоляет его о прощении. Но он неумолим как... сборщик налогов. Не глядя на ее слезы, он вынимает из кармана револьвер и стреляет в нее. Она падает, истекая невинной кровью. Так был разбит вдребезги счастливый семейный очаг. Конец. Антракт десять минут!.. — И не дожидаясь, когда дадут свет в зал, нырнул поспешно за экран. И снова запах виски вызвал слюну у передних рядов.

Затлелись под потолком лампочки. Зрители, все еще не отрываясь от экрана, от неожиданности замигали глазами. Но вот головы завертелись, закивали удовлетворенно. Загремели отодвигаемые скамейки, зашаркали шаги. Из-за экрана неслось бульканье бутылки.

Но Кобблер видимо спешил. Бранчливо задребезжал звонок и выгнал Мак-Гиля из-за экрана. Вытер губы полкой сюртука и снова прохнул в бидон:

— Приступаем ко второй части нашей программы! Внимание, джентльмены! Кино-хроника! Сейчас вы увидите события...

Кобблер высунул в зал голову: — Готово? Даю?

Шотландец мотнул утвердительно головой: — Давай!.. Увидите события...

Зал погрузился в темноту. Из окошечка демонстраторской вырвался острый ослепительно-красный луч, долетел до экрана и разбившись о полотно, разбрызгался кровавыми буквами.

СОБЫТИЯ В ШАНХАЕ.

... — Увидите события!.. выкрикнул с особенной энергией Мак-Гиль, и зацепив краем глаза кровавые

буквы на экране, смолк, от испуга икнув тяжело, всем нутром.

Молчал Мак-Гиль, молчало пианино, которое он забыл завести, затаил дыхание зал. Лишь стрекот аппарата наливал тишину гнетущим унынием.

Кровавая надпись на экране растаяла. Засерела улица. Большие каменные дома выстроились в ряд, опоясавшись многоярусными балконами. Причудливые, узкие, вертикальные вывески. Автомобили. Рикши.

Зал вздохнул тяжело, сотнями грудей. Слово револьверный выстрел разорвал тишину, вскрик: — Шанхай.

— Кобблер! — крикнул негромко и перепуганно шотландец. — Лучше бросьте! Остановите!

Но Кобблер видимо не слышал и экран молча, без слов рассказывал. Улицу затопила многотысячная толпа. Мелькали поднятые в возбуждении руки, широко открытые рты кричали что-то, неслышное, но видимо злобное и страшное. В дальнем конце улицы, словно из-под земли, выросла угрюмая шеренга английских солдат. На зрительный зал уставились дула их карабинов.

По залу пронесся полу-вдох, полу-стон.

Дула карабинов плюнули клубками белого дыма. Толпа на экране вздрогнула и шарахнулась сюда, прямо на Мак-Гиля.

— Кобблер, — испуганным буйволом заревел он. — Остановите же, наконец, вашу дьявольскую машинку!

Кобблер выглянул в зал: — В чем дело?

— В чем дело? — сучил кулаками шотландец. — Вы хотите, чтобы за пять долларов в неделю мы разорвали в клочья эти желтые джентльмены? Не позволю! Посмотрите на экран!

Кобблер ахнул и нырнул в демонстраторскую. Экран испуганно замигал. Картина вышла из рамки. Бегущую толпу словно кто-то перерезал пополам жирной чертой. В нижней части экрана прыгали головы бегущих людей, над ними же топтались бесчисленные ноги, несущие безголовые туловища. И этот клубок голов, ног, туловищ был так безобразен и кошмарен, что у Мак-Гиля засосало под ложечкой.

— Кобблер!... Стой!... Не могу-у-у! — завыл он.

Экран мигнул в последний раз и погас. Слышала бегущая толпа. Под потолком вспыхнули лампочки.

Мак-Гиль взглянул на зрительный зал и волосы на его голове зашевелились червями. Зал — точная копия экрана. Те же возбужденно поднятые руки, открытые широко рты, злое вспыхивание в глубине узких, косо-прорезанных глаз. Но было и еще что-то более ужасное — это крики.

Зал ревел, гудел, стонал. Крики обрушивались лавинами, грохотали взрывами:

— Шанхай!... Белые дьяволы!... Расстрел!... А теперь издеваются!.. Шанхай!

Мак-Гиль почувствовал вдруг, что пузо его, словно набитое камнями, потянуло к земле. Мелкая дрожь булавами пронизала спину и поползла вниз, к ногам.

— Душа в пятки уходит, — обреченно подумал он. — Значит, баста!

Затем началось что-то не передаваемое. Зал ревущим многоголовым чудовищем ринулся на него. Опрокинул, придавил к полу. Затем взбросил высоко над головами и потащил к дверям.

Последнее, что он увидел, — десятки желтых рук, уцепившиеся за ноги Кобблера. И Кобблер, уцепившийся за свой кино-аппарат. Руки дружно рванули и выволокли Кобблера из демонстраторской. Кобблер мужественно волочил за собой аппарат.

И все пропало.

Черпнул жадно ноздрями острую свежесть ночи и мысль снова заработала. Ощупав голову, ноги, руки, с удивлением убедился, что все цело и все на своих местах. Не хватало лишь правой половины серого квакерского сюртука. Огляделся. Увидел, что стоит на плотине, недалеко от того места, где сегодня вечером рыбаки огрели его веслом по мозолям. Рядом стоял хозяин, прижимая бережно к груди, как любимое дитя, киноаппарат. Вокруг живым кольцом толпа, но уже молчаливая и спокойная. В стороне отдельная кучка раскладывала на плотине что-то большое, квадратное, белое. Вглядевшись, узнал экран, видимо сорванный толпой.

От пережитых потрясений страх перековырнулся кверху ногами и превратился в тупое безразличие.

— Остановите же, наконец, вашу дьявольскую машинку!

Равнодушно спросил у Кобблера: — Хозяин, что это они задумали?

Кобблер дернул губой: — Разве не видите? Показывают на экране, а потом сбросят с плотины в пруд.

Снова забегали по спине холодные мурашки: — В пруд? Не позволю! Уговору не было, чтобы за пять долларов в неделю, и в пруд!...

Кобблер надвинулся на него угрожающе: — А кто виноват? Кто с пьяных глаз приволок сюда этот проклятый фильм? Кто, я спрашиваю? А?

Убедившись, что обе руки Кобблера, благодаря аппарату, заняты, шотландец вызывающе усмехнулся: — Конечно, всегда я во всем виноват! А разве я не кричал вам тысячу раз: — хозяин, остановите свою чортову трещотку? Не кричал? А?

Удивленно заморгал глазами. Хозяин вместе с аппаратом взлетел в воздух и упал на растянутый уже над землей десятками рук экран. Затем почувствовал, как неведомая сила подняла и его и бросила рядом с Кобблером, на зыблущееся полотно.

Страх придал шотландцу решимость. Решил попробовать обратиться к толпе с увещеванием.

— Джентльмены! — поднялся он на полотне, махая судорожно руками, словно канатоходец, чтобы удерживать равновесие. Но ноги, непривычные к зыбкому полотну, подкосились. Он плюхнулся назад и сел прямо на живот хозяина.

— Держитесь своей стороны, — прошипел Кобблер, — это вам не трамвай, чтобы садиться на посторонних.

Ответить Мак-Гиль не успел, так как почувствовал головокружительное ощущение взлета, а затем тошнотворное, щекощущее чувство падения. Ударившись об полотно, сел. Но от повторного толчка снова взлетел.

— Это хуже, чем на американских горах! — крикнул он, встретившись в воздухе с хозяином. — И все — за пять долларов в неделю.

Кобблер падал все время головой вниз, так как аппарат который он крепко прижимал к груди, перетягивал верхнюю часть тела. Мак-Гиль же, у которого вся тяжесть сосредоточивалась в животе, падал и взлетал в сидячем положении и, махая руками как крыльями, казалось плавал в воздухе.

При шестом или седьмом падении Кобблер, встав на голову, мотнул судорожно ногами и угодил кованым каблуком прямо в лоб Мак-Гилья. Шотландцу по-

казалось, что он встал перед экраном и ему в глаза брызнул из окошечка демонстраторской сноп ослепительных лучей. Но боль удара объяснила ему суть происшедшего.

— Кобблер, — взревел он — оставьте эти штуки, а не то!..

Докончить не смог, задохнувшись от нового взлета. Теперь счастье повернулось к нему лицом. Кобблер долетел до полотна первый и шотландец накрыл его, сев ему на плечи.

— Как вам это нравится? — не утерпел он, чтобы не съиронизировать.

— Ладно, — прохрипел угрожающе Кобблер — после сочтемся!

— У-их! — дико взвизгнула толпа и придав полотну наклонное положение трянула с особенным рвением. Кобблер и Мак-Гиль вылетели теперь не по отвесной линии, а под углом, и описав траекторию над плотиной, бултыхнулись в пруд.

Мак-Гилью, когда он весь ушел под воду, вдруг вспомнилось одно только коротенькое слово, которое он так часто видел на экране:

К О Н Е Ц .

Кобблер же, которого аппарат камнем тащил на дно, бил, что было мочи по воде ногами. Ударившись головой о песчаное дно, на миг потерял сознание и вы-

пустил аппарат. Освободившись от его тяжести перевернулся и с удивлением почувствовал, что стоит твердо на земле. Высунил на поверхность голову, громко фыркнув. В двух шагах от себя увидел ноги Мак-Гилья, высовывавшиеся из воды. Ноги как гигантские ножницы стригли воздух. Затем плавно нырнули под воду и на их месте выскочила голова Мак-Гилья.

— Ф-фу, — выплюнул воду шотландец, — вот, что значит быть моряком. Вода — моя стихия! Я не рассказывал кажется вам, что однажды мне пришлось переплыть...

— Не врите, Мак-Гиль, — оборвал его Кобблер, — здесь всего два ярда.

— Может быть у вас мелко, — обиделся Мак-Гиль, — а я попал на ужасную глубину.

Расплескивая воду, вышли

— Н-да, скверное дело, — глубокомысленно протянул шотландец выливая воду из башмака. Оба посмотрели на плотину. Там было темно и тихо. Не верилось, что на ней минуту тому назад бесновалась громадная толпа.

— Батюшки, — вскочил вдруг Кобблер. — Аппарат! Он там, на дне! Мак-Гиль ползайте!

— Нет! — твердо отрубил шотландец. — Он вам нужен, вы и ныряйте за ним на дно. А я решил поменять профессию. Перехожу к баптистам, в проповедники. Двадцать долларов в неделю и их стол. Ловко?

— Дорогой Мак-Гиль! — залебезил Кобблер. — Ну, что вам стоит? Вы же лучше меня плаваете. Вы же сами говорили, что вы переплыли когда-то что-то.

Шотландец заколебавшись, потер в раздумьи переносицу.

— Хорошо. Но это будет вам стоить пять долларов.

— Пять долларов?

— Да! Сверх жалованья и наличными.

Кобблер почесал затылок: — Вы меня берете за горло, Мак-Гиль. Но у меня нет выбора. Лезьте. Я согласен.

Шотландец снял для чего-то уже мокрые штаны, подобрал осиротевшую полу сюртука и бултыхнулся в пруд. Повозился там, лязгая зубами от холода и вылез на берег с аппаратом.

— Получайте, хозяин, вашу чертовщину, и кладите на бочку пять долларов.

— Пять долларов? — искренне удивился Кобблер. — Но разве вы забыли, что вами взято у меня авансом

И описав траекторию над плотинкой, бултыхнулись в пруд.

десять долларов? Считайте, что теперь за вами осталось только пять.

И помолчав добавил сухо: — А теперь можете отправляться к своим баптистам.

Мак-Гиль надевавший штаны, от удивления полез левой ногой в правую штанину. Заметив ошибку вздохнул сокрушенно:

— Н-да. Чисто вы меня обработали.

И вдруг переменяя тон, восхищенно покрутил головой: — Вы оказывается здоровый жулик, хозяин! Но мне некуда податься. Про баптистов-то я вам соврал. Остаюсь у вас. Что будем теперь делать?

— Берите аппарат, — приказал Кобблер. — Мы пойдем в Кьянг-Че, на ярмарку. Но предупреждаю, если вы еще раз выкинете фортель, подобный сегодняшнему, я вас так отделаю, что даже баптисты постыдятся взять вас в проповедники. Поняли?

Мак-Гиль взваливая на плечи аппарат, с трудом подавил тяжелый и покорный вздох.

Третий номер за первую половину февраля выходит 12 марта.

Содержание № 3: *Ж. Лернер. „Без оружия на льва“ — А. Кохан-Дойль. „Приключение черного пуделя“ — В. Мон. „В петле“ — Т. Матисон. „Долг Хоп-Синга“ — ** „Дом чудес“ — В. И. „Хикотрюки“ — ** „Новые испытания ваших способностей“ — ** „Вытершие чудовища“ и др.*

ЗАКЛИНАТЕЛИ КРОКОДИЛОВ.

Я намерен рассказать здесь подлинный любопытный случай, которому я сам был свидетелем во время моих скитаний по острову Ява. Яванские «колдуны» или, как их называют на оном языке туземцы «оранг-пинтары», славятся среди жителей острова своим искусством зачаровывать крокодилов. Подобно индийским заклинателям змей, они подчиняют этих местных пресмыкающихся людоедов своей воле, выманивают их из воды и заставляют покорно ползти за собой навстречу верной смерти. Чудовищная тварь повинуется «оранг-пинтару», как послушная собачка, но беда, если кто-нибудь из окружающих приблизится в это время к крокодилу. Последний внезапно пробуждается от своего гипноза и смельчак рискует поплавиться либо своей ногой, которую так легко сломать мощному хвосту, либо ужасной смертью в свирепых челюстях чудовища.

Однажды вечером окрестные жители, призываемые звуками туземного деревянного гонга, собрались к хижине «лора», т.е. старшины нескольких деревень. Лора сообщил им, что в этот день один человек из их племени, купаясь в реке, был схвачен и унесен крокодилом. Тотчас же принялись за обычные поиски тела несчастного, которое и было найдено, наконец, с оторванной ногой, в речных зарослях. Отвратительный людоед запрятал его туда, чтобы полакомиться им, когда оно успеет достаточно разложиться.

Туземцы о. Явы верят, что всякий мужчина схватывается самкой крокодила и, наоборот, крокодилы-самцы нападают на женщин. Поэтому «оранг-пинтар», когда родственники погибших просят его поймать крокодила, прежде всего принимает обличье погибшей жертвы. Так, если крокодил схватил женщину, «оранг-пинтар» надевает женскую одежду и на время своего «колдования» во всем подражает женщине; только женщины же могут и приблизиться к нему для оказания тех или иных услуг. Если же, как это было в данном случае, он берет на себя роль мужчины, ни одна женщина не должна общаться с ним, даже его жена удаляется от него и он целиком направляет все свое внимание на «ухаживание» за крокодилом.

Первая задача «оранг-пинтара» — найти излюбленное местопребывание заклиняемого им крокодила. В описываемом случае «оранг-пинтар» проводил день за днем на речном берегу, тщательно исследуя на большом протяжении каждый затон, пока, наконец, через 10 дней усердных поисков, он не нашел жилище самки крокодила. Покончив с этой необходимой частью своей миссии, он принял «ухаживать» за своей свирепой дамой, ежедневно посещая ее убежище и стараясь добиться не только ее «любви», но, что гораздо важнее, ее доверия. Он обращался к ней, подобно пылкому влюбленному, в самых цветистых выражениях, свойственных только языкам Востока, обещая ей жизнь полную роскоши и благополучия, если она только доверится ему и придет к нему. Конечно, нам трудно представить себе человека, говорящего подобные слова отвратительному людоеду-крокодилу, но тем не менее это фактически верно: «оранг-пинтар» прибегает к самой изысканной лести. Самый пламенный воздыхатель никогда не возносит таких пылких просьб, как яванские заклинатели крокодилов!

Эти диковинные процедуры продолжались до 39-го дня после смерти погибшего туземца, когда, «оранг-пинтар» возвестил, наконец, что завтра, в 40-ой и последний день «села-матана», т.е. поста по умершем, он отпразднует поминки, вызвав виновного крокодила из реки.

Меня пригласили присутствовать на торжественной церемонии, но не желая иметь какого-либо отношения к подобной «ерунде», как я внутренне окрестил все это занятие «колдуна», я сначала отказался. Мне вовсе не хотелось как бы покровительствовать таким суеверным фокусам и быть одураченным наравне с туземцами. Однако, поразмыслив над всем происшествием и вспомнив виденные мною в Индии опыты гипнотического воздействия на змей индийских заклинателей-факиров, я решил лично проверить, не в этом ли заключается и секрет искусства «оранг-пинтара». Так оно и оказалось. Но не буду забегать вперед.

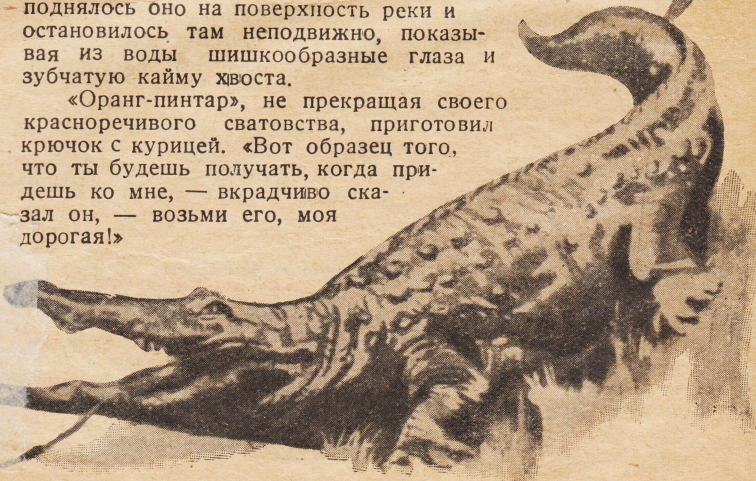
Я отправился вместе с толпой остальных зрителей к реке. Мы добрались до убежища крокодила, которое находилось на большом расстоянии от того места, где было найдено тело жертвы. «Влюбленный» «оранг-пинтар» явился туда же с самодельным крючком, болтавшимся на конце веревки, достаточной для того, чтобы вести на ней теленка, но вовсе не настолько крепкой, чтобы удержать любого крокодила. К крючку была привязана живая курица.

Мы все расположились в отдалении и «колдун» начал свое «завораживание». Стоя у самой воды, он испускал душераздирающие призывные вопли: «О, моя возлюбленная, приди ко мне!» — взывал он. — «Долго ли мне еще ждать здесь и умолять тебя? Будь моей женой и ты никогда не станешь ни в чем нуждаться. Я дам тебе все, что я имею, только приди ко мне и полюби меня так, как я тебя люблю. Приди! Приди! О, приди, моя возлюбленная!».

Варируя все те же слова, он продолжал свои мольбы так долго, что мое внимание уже притупилось и я начал сожалеть о том, что не захватил с собой

складного стула и чего-нибудь на завтрак. Но внезапно общий вздох удивления остальных слушателей вновь возбудил во мне интерес к происходящему и, взглянув туда, куда были устремлены все взоры, я увидел в воде длинное темное туловище крокодила, медленно поднимавшегося кверху по направлению к «чародею». Зрители замерли на месте, затаив дыхание, боясь каким-либо звуком или движением помешать человеку или пресмыкающемуся. Медленно поднялось оно на поверхность реки и остановилось там неподвижно, показывая из воды шишкообразные глаза и зубчатую кайму хвоста.

«Оранг-пинтар», не прекращая своего красноречивого сватовства, приготовил крючок с курицей. «Вот образец того, что ты будешь получать, когда придешь ко мне, — вкрадчиво сказал он, — возьми его, моя дорогая!»

Он забросил веревку. Прыжок и жадное щелканье сомкнувшихся челюстей и несчастная курица мгновенно исчезла. Крючок вонзился во внутренности ошеломленного чудовища, на секунду исчезнувшего совсем под водой. Но судя по тому, как слабо была натянута веревка, оно не сделало никакой попытки к бегству.

«Чародей» попрежнему продолжал свое влюбленное воркованье, упрашивая «влюбленную» вернуться и она, как это ни невероятно, позволила, наконец, ласково вывести себя на берег. Обмелевший благодаря сухому времени года, крутой, песчаный берег возвышался более, чем на 30 футов. Несмотря на это, она вползла вверх по откосу со свободной свешивающейся из пасти веревкой и, как домашний пес, послушно следовала издали за «чародеем». «Колдун» шел впереди, а за ним переваливался крокодил на своих коротких лапах; и все мы на почетном отдалении составляли арриергард этого странного шествия. В тот момент я бы отдал все на свете за хорошую фотографическую камеру!

Приблизившись к своей хижине, «оранг-пинтар» двел крокодила до подножья большого дерева. Крокодил позволил крепко привязать себя к стволу концом веревки. Затем «колдун» беспрепятственно связал его челюсти, а крокодил только несколько раз вильнул хвостом, совсем как собака.

Неторопливо и совершенно хладнокровно «чародей» стягивал крокодила со всех сторон веревками, пока не сделал его совсем беспомощным. Тогда один из туземцев-чиновников, держась на достаточно безопасном расстоянии, осмелился протянуть руку и ущипнуть крокодила за кончик хвоста. Тут укрощенное животное словно проснулось от своего гипнотического сна и, не будь оно так крепко связано, неминуемо произошел бы несчастный случай; но веревки так туго обматывали его туловище, что его судорожные извивания скоро прекратились.

Заполучив свою добычу, «колдун» не проявлял к ней больше никакого интереса. Плотно окружившая крокодила толпа стала осыпать его бранью и упреками за убий-

ство их друга и родственника. Вдова погибшего, до сих пор стоявшая с бесстрастным и непроницаемым лицом, внезапно протеснилась вперед и начала выкрикивать самые неместные туземные эпитеты по адресу убийцы мужа.

Обычно беспомощный, спеленутый веревками крокодил, оставляется в таком положении, пока голодная смерть не освободит его. Однако, этот великолепный экземпляр, достигавший приблизительно 13 футов в длину, ввиду особой ценности его кожи был куплен одним железнодорожным служащим и застрелен на следующий день.

Постоянно повторяющиеся нападения крокодилов, видимо, не производят особого впечатления на туземцев. В тот же день я видел, как один старик купался в той же реке, а несколько дальше вниз по течению две молодых девушки переходили реку вброд. Их светло-коричневые тела, погруженные по горло в воду, могли послужить прекрасной приманкой для какого-нибудь притаившегося в засаде, неподвижного и невидимого крокодила.

По окончании заклинания я разговорился с вдовой погибшего и спросил ее:

— Почему вы все так мало остерегаетесь крокодилов? Она спокойно ответила:

— Моему мужу была на роду написана смерть от этого крокодила. Если бы он не вошел в воду, крокодил схватил бы его на суше. Если человеку суждено умереть какой-либо другой смертью, ни один крокодил не тронет его, если бы даже он проводил в реке все дни и ночи.

Спустя несколько недель десятилетняя девочка из той же деревни была унесена шестифутовым крокодилом. Как мне потом передавали, этот крокодил в должный срок был «зачарован» и пойман «оранг-пинтаром», выступавшим на этот раз в роли женщины.

И все же, несмотря на многочисленность таких несчастных случаев, туземцы не испытывают перед ними страха: их вера в судьбу и в могущество «оранг-пинтара» — несокрушима. И «оранг-пинтары» продолжают производить свои заклинания крокодилов в различных уголках Явы.

„МИСТЕР“ ПАВИАН

— Обезьяны, тоже люди и как бы они заговорили, если бы только захотели. Но этого-то они ни за что не сделают, иначе белый чело-век сейчас же заставит их рабо-тать, — сказал Кассупи, представляя мне «Мистера» и глядя на меня до-вольно вызывающе.

Маленький павиан дружелюбно оскалил зубы, как будто он вполне ясно уловил смысл речи.

Мой погонщик, Кассупи, и я быстро сошлись в цене. Ме-шок табаку и пара старых брюк для верховой езды сде-лали меня хозяином маленького «Мистера». Так окрестил Кассупи свою маленькую обезьянку по ее удивительному якобы сходству с одним из моих соседей.

Прежде чем убраться со своими штанами восвояси, Кас-супи дал мне один добрый совет: быть на стороже, ибо старая обезьяна-мать неминуемо явится с визитом к малень-кому Мистеру.

Привязав обезьянку тоненькой цепочкой к одному из перечных деревьев, посаженных мною вокруг дома, он уда-лился в свою хижину, очень довольный своей меной.

Был доволен своим приобретением и я. В наши сады то и дело забиралось и опустошало их множество павиа-нов. Особенно в жаркое время, когда высыхала в горах вода, они почти регулярно являлись к реке на водопой. И мне хотелось тогда поймать хоть одного из этих разбойников.

Сначала молоденький павиан вел себя вполне прилично; но после того, как он сразу же ободрал всю кору с того деревца, к которому был привязан, ему пришлось ответи-ти во дворе особый столб с ящиком на верхушке. Его тонкая цепочка были прикреплена к ремню, который стя-гивал его бедра. Сначала цепочка очень стесняла этого ма-ленького парнишку, но вскоре с поразительной ловкостью он принялся выделывать из нее массу хитроумных бантов и узлов. Если же ему хотелось прогуляться вокруг столба, то одной рукой он брался за цепь поближе к столбу так, чтобы середина цепи тащилась за ним на подобие шлейфа. Он делал это не из пустого чванства, а для того, чтобы во время прыжков отдергиваться назад только за руку.

Он был пуглив: когда к нему слишком близко подходили, малыш скалил зубы, издавал своеобразное ворчание и в тот же миг улепетывал в свой ящик.

В первую ночь, проведенную Мисте-ром на ферме, собаки яростно лаiali и даже за кем-то гнались. Когда утром я стал искать причину этого ночного шума, то недалеко от двора, в кустах, наткнулся на следы большой обезьяны. Вероятно, здесь побывала сама мамаша. Такая любовь тронула меня и в следую-щую ночь я привязал собак с другой сто-роны дома, чтобы дать возможность ста-рухе спокойно навестить моего Мистера.

Вечером, после заката солнца, я сел на веранде, желая отсюда поглядеть на предстоящее свидание. В Африке сумерки коротки и едва прошло каких-нибудь полчаса, как уже вся ферма была окута-на мглюю. Одни лишь звезды ярко свер-кали и так освещали песчаный грунт, что я мог свободно видеть всякое направляю-щееся к столбу животное.

Ждать мне долго не пришлось; неожиданно из кустов напротив, до меня долетело тихое «офф-офф». Мистер ответил легким урчанием и вот, большими скачками, че-рез двор пробежала старуха-мать. С тихим позвякиванием цепи Мистер спустился к ожидавшей его матери. За-тем оба они на мгновение замерли; вероятно принялись искать друг у друга паразитов, тем самым проявляя свою, ве ичайшую нежность. То и дело позвякивала цепь. Нако-нец, бряцание это становилось все сильнее и энергичнее, хотя обе фигуры попрежнему не трогались с места. Удастся ли старухе разорвать эту тоненькую цепочку? Я был уверен, что причиной бряцания были именно эти старания.

Должно быть так прошло около получаса. Вдруг ста-руха вскочила, малыш за ней, но цепь кончилась и Ми-стер беспомощно стал звать мать обратно. Собаки залаяли, но скоро успокоились, не слыша больше ничего. Опять за-шарилась обезьяна вдоль по цепке, пока не наткнулась на

В тот же миг улепетывал в свой ящик.

какое-то определенное место. Она дергала руками и своими бесконечно сильными челюстями надкусывала железо. Вдруг, цепь сломалась... Мистер был свободен.

Дикими, громадными прыжками понеслись они по песку к скалам; обрывок цепи звонко стучал по камням, шум разбудил собак, которые злобно залаяли и завyli им вслед.

Когда, на следующий день, счастливо соединившиеся мать с сыном находились среди остального общества. дав-

Счастливо соединившиеся мать с сыном находились среди остального общества.

ний приятель Мистера попробовал было подергать за оставшийся на нем обрывок цепочки. Старуха в это время занята была тем, что отвалила большой камень и, схватив скорпиона, одним взмахом оторвала его ядовитое жало; но лишь только она увидела маленького нарушителя спокойствия, так сейчас же злобно повернулась и закатила ему такую оплеуху, что, громко завопив, он большими прыжками взвился на соседний выступ скалы. Но в общем такое происшествие несколько не нарушило у обезьян добродушного настроения. Подобные шалости были в порядке вещей. Словом, мир был скоро восстановлен и обезьяны продолжали разыскивать себе пищу. Луковицы выковыривались, на жуков и всяких ползучих тварей устраивалась шумная охота.

Когда после обеда солнце раскалило скалы, они с гамом взобрались на пригорок. Старуха-обезьяна грызла цепь, чтобы высвободить малыша окончательно. Тут приковылял на четвереньках старый, могучий павиан, Аубаас, и пожелал беседовать с мамашей. Возмущенный Мистер отскочил и с любопытством наблюдал издали, последует ли его мать за стариком или нет? Увы! Любезности старого ловеласа не показались ей приторными или несносными.

Мистер разом почувствовал себя оскорбленным и забытым; видя, что Аубаас окончательно реквизирует его мать, он отделился от остальных и на собственный страх пополз по краю обрыва. Был жаркий день и вся команда спустилась в долину на водопой. Мистер только что спрыгнул с отвесной скалы, как вдруг неожиданно его цепочка зацепилась за острый угол. Испуская жалобные вопли, он свободно болтался в воздухе, но затем с помощью своих четырех рук живо вскарабкался обратно. С обычной для него находчивостью, он быстро освободился от этого неожиданного плена. Он рвал и трепал цепочку до тех пор, пока она, наконец, не уступила.

Вся его милая родня уже успела отойти на порядочное расстояние, когда он торопливо устремился за нею вслед. Но вдруг прямо перед собой он увидел в засохших кустах горящие зеленым огнем глаза леопарда. Мистер громко закричал о помощи и как ветер понесся по обломкам скал. Сильными скачками леопард погнался за ним; на секунду его смутило было бряцанье цепочки, но уже со следующим

прыжком он схватил жалобно кричащую обезьянку за загривок. Мать услыхала еще первые крики своего отпрыска и сейчас же с невероятной быстротой помчалась обратно вверх по скалам. Стремительно покинутый Аубаас слегка обалдел, но когда сверху донесся в долину новый жалобный вопль, старик, злобно ругаясь, полез за остальной командой, которая, опередив его, ловко взбиралась уже на гору.

В тот момент, как леопард придавил к земле отчаянно боровшегося с ним малыша, старая обезьяна-мать с диким криком одним взмахом очутилась у хищника на спине. Вонзив ему в глаза пальцы, она глубоко запустила и свои зубы в его дивную шкуру. Пока она так разделывалась за свое дитя, Мистер выкарабкался из-под страшного врага и присоединился к своим собратьям, которые окружив место поединка, испускали хриплые воинственные крики. Отовсюду стекались обезьяны, они прибывали целыми полчищами. Наконец, леопарду удалось сбросить с себя старуху и поджать ее под себя, но она крепко вцепилась зубами ему в горло... Увидев это, Мистер, презирая смерть, очутился на спине у пестрой кошки и, как это всегда случается, массе был необходим толчок. Вся братия с ослепительными зубами и цепкими длинными руками как один напала на хищника.

Даже Аубаас не удержался от участия в общей схватке. Поднялся такой ужасающий визг, грызня и возня, что вся долина разом ожила. В первые мгновения леопард еще стряхивал с себя рассвирепевших горных духов, но вырваться на свободу ему уже больше не удалось. Вскоре он лежал разорванной, вздрагивающей, окровавленной массой, окруженной все еще беснующейся стаей обезьян.

Многие обезьяны валялись тут же в траве, разможженные ударами могучих лап. Многие зализывали глубокие укусы и царапины. За одним из громадных выступов скал

Вонзив ему в глаза пальцы, она глубоко запустила свои зубы в его дивную шкуру.

одинокое сидела старая обезьяна и держала на коленях своего маленького Мистера, которому лапа леопарда распорол живот. Безжизненно лежа на руках матери, он в последний раз взглянул на нее своими полными страдания, человечески-умными глазами, потом вытянулся... И кончилась жизнь этого храброго малыша, спасшего жизнь своей матери.

Такова история коротенькой, но содержательной жизни маленького Мистера.

ЖИЛИЦА ПОД ВУАЛЬЮ

Рассказ *А. Коха-Дойля.*

Если иметь в виду, что м-р Шерлок Холмс двадцать три года занимался практикой, а я в течение семнадцати лет сотрудничал с ним и делал заметки о его деятельности, то станет ясно, что в моем распоряжении находится уйма материала. Меня всегда смущал не самый материал, а выборка из него. В моем распоряжении целая масса годичных записных книжек. Эти книжки — превосходное подспорье для изучающих не только преступления, но и скандалы в английском обществе конца царствования королевы Виктории.

Правда, авторам всех душераздирающих писем, умоляющих сохранить в неприкосновенности честь их семейств или репутацию потерпевших лиц, бояться нечего. Молчаливость и глубокое чувство профессионального долга, которые всегда отличали моего друга, по-прежнему остаются в силе при использовании этих мемуаров для печати. Я должен, однако, убедительно просить кое-кого не повторять недавних попыток добраться до этих бумаг и уничтожить их. Источник этих насильственных действий известен, и, если они повторятся, я, с дозволения м-ра Холмса, заявляю, что вся история, касающаяся одного политического деятеля, маяка и дрессированного баклана будет предана гласности. По крайней мере, один из читателей поймет, что это означает.

Конечно, не каждый из этих случаев доставил Холмсу возможность проявить тот замечательный дар интуиции и наблюдательности, который я пытаюсь запечатлеть в этих мемуарах. Порой ему нужны были все усилия, чтобы пожать плоды своей работы, порой же они сами легко давались ему в руки. Но и в легкие случаи его практики часто влетали самые ужасные человеческие трагедии. Одну из них мне теперь хочется передать. Правда, я слегка изменил имена и место происшествия, но в остальном все факты оставлены без изменения.

Однажды, утром — это было в начале 1896 года — я получил торопливую записку Холмса с просьбой о моем содействии. По обыкновению, я нашел его сидящим в густо прокуренной атмосфере. Напротив него в кресле помещалась пожилая, материнского вида женщина, типа жизнерадостной квартирной хозяйки.

— Это миссис Мэррилоу из Южного Брикстона, — сказал мой друг, сопровождая свои слова взмахом руки. — М-с Мэррилоу не имеет ничего против табачного дыма, Ватсон, если вы пожелаете предаться вашей неопрятной привычке. М-с Мэррилоу может рассказать нам интересную историю, что поведет, быть может, к дальнейшему развитию событий, при которых ваше присутствие может оказаться полезным.

— Все, что я смогу сделать...

— Вы, конечно, поймете м-с Мэррилоу, что если я явлюсь к м-с Рондер, то предпочту иметь какого-

нибудь свидетеля. Разъясните ей это до нашего прибытия.

— Господь с вами, м-р Холмс! — сказала наша посетительница. — Ей так не терпится повидаться с вами, что вы можете привести за собой хоть весь приход.

— В таком случае, мы приедем разом после полудня. Давайте-ка, прежде чем отправляться в путь, проверим еще раз правильность наших данных. Это поможет д-ру Ватсону понять все положение дел. Вы говорили, что м-с Рондер в течение семи лет состоит вашей жилицей и что вы только однажды видели ее лицо.

— И, клянусь богом, я бы хотела, чтобы мне никогда не пришлось его увидеть! — сказала м-с Мэррилоу.

— Я понимаю вас так, что оно оказалось ужасно изуродованным?

— Ох, м-р Холмс, вы бы вообще с трудом приняли это за лицо. Вот какой оно имело вид! Наш молочник как-то раз мельком увидел ее, когда она украдкой выглянула из верхнего окна, и уронил свою жестянку, так что молоко разлилось по всему палисаднику. А когда я увидела ее — я случайно застала ее врасплох — она быстро закрылась, а потом сказала: «Ну, вот, м-с Мэррилоу, наконец-то вы узнали, почему я никогда не поднимаю моей вуали».

— Известно ли вам что-нибудь о ее прошлом?

— Ровно ничего.

— Дала она вам какие-нибудь сведения о себе, когда приехала к вам?

— Нет, сэр, но зато она дала звонкую монету, целую кучу денег. Положила прямо на стол квартирную плату за четверть года вперед и к тому же ни капельки не торговалась. В наши времена бедная женщина, вроде меня, не может пренебречь такой удачей.

— Указала ли она причину, почему она выбрала именно ваш дом?

— Мой дом стоит за дорогой и более уединен, чем остальные. К тому же у меня нет своей семьи и других жильцов. Мне помнится, что она пыталась поселиться в других домах, но нашла, что мой подходит ей больше всего. Она гонится за уединением и готова хорошо платить за него.

— Вы говорите, что она ни разу за все время не показывала своего лица, кроме одного неожиданного случая. Да, это замечательная история, чрезвычайно любопытная, и я несколько не удивлен тому, что вы хотите ее раскопать.

— Я вовсе не хочу этого, м-р Холмс. Я вполне довольна, пока получаю свою квартирную плату. Вы не могли бы иметь более спокойной жилицы или такой, которая доставляла бы меньше хлопот, чем она.

— Так что же придало новый оборот всему делу?

— Ее здоровье, м-р Холмс. Она, повидимому, чахнет. И на уме у нее что-то ужасное. «Убийца!» — кри-

чит она, — «убийца!». А однажды, я слышала, как она кричала: «Жестокая тварь! Чудовище!» Дело было ночью и ее крик так пронзительно прозвучал на весь дом, что у меня мороз пошел по коже. Вот я и пришла к ней на утро. «М-сс Рондер, — говорю я, — если что-нибудь смущает вашу душу, так на то есть пастор и полиция. Либо тут, либо там вы можете найти себе помощь».

— Ради бога, только не полиция! — отвечает она. — Пастор же не может изменить того, что уже случилось. Но все же, — говорит она, — это облегчило бы мою душу, если бы кто-нибудь узнал правду, прежде чем я умру.

— Ну, что же, — отвечаю я, — если вы не хотите иметь дело с властями, так вот вам тот Холмс, о котором мы читали. (Прошу прощения м-р Холмс!). Она так и привскочила. «Вот именно этот человек мне и нужен», — говорит она. — «Удивительно, как это я не подумала об этом раньше. Привезите его сюда, м-сс Мэррилоу, и если он не захочет приехать, скажите ему, что я жена Рондера, содержателя бродячего цирка. Скажите это и назовите ему имя — Аббас Парва. Вот оно, как она сама его записала «Аббас-Парва». Это приведет его сюда, если он именно такой человек, каким я его себе представляю.

— Да это приведет меня к ней, — заметил Холмс. — Очень хорошо, м-сс Мэррилоу. Мне хотелось бы немного побеседовать с д-ром Ватсоном. Около трех часов вы можете ожидать нас в вашем доме в Брикстоне.

Едва лишь наша посетительница проковыляла в выходную дверь — никакой другой глагол не может передать походку м-сс Мэррилоу, — как Шерлок Холмс с свирепой энергией набросился на груды книг по общим вопросам в углу комнаты.

Несколько минут слышалось только беспрестанное перелистывание страниц, а затем с удовлетворенным ворчаньем он уткнулся в то, что искал. Он был так возбужден, что оставался сидеть на полу среди груды книг, скрестив свои ноги, словно какой-то Будда; одна из книг была раскрыта у него на коленях.

— Это происшествие и тогда еще меня занимало, Ватсон. Доказательство — вот эти заметки на полях. «Я признаюсь, что ничего не могу понять. Тем не менее убежден, что судья ошибся». У вас не осталось никакого воспоминания о трагедии Аббас-Парвы?

— Никакого, Холмс.

— Однако, вы были тогда со мною. Но, конечно, мое собственное впечатление было очень поверхностным, так как не было никакой направляющей нити и ни одна из сторон не обратилась ко мне за услугами. Может быть, вам хочется перечитать газеты?

— Не сообщите ли вы мне все самое существенное?

— Это очень легко сделать. Оно, очевидно, всплывет в вашей памяти во время моего рассказа.

— Рондер, конечно, было имя самого предпринимателя?

— Он был соперником Уомбвелля и Сэнджера, одним из самых крупных содержателей бродячих цирков своего времени. Некоторые свидетели показывали, однако, что он стал пить, и сам он и его бродячий цирк пришли в состояние упадка ко времени этой большой трагедии. Повозки бродячего цирка остановились на ночь в Аббас-Парве — маленькой деревушке в Беркшайре, когда случилось это ужасное происшествие. Они были на пути в Уимблдон, путешествуя по проселочной дороге и просто раскинулись лагерем, не соби-

раясь давать представления, так как деревушка настолько мала, что открывать цирк совершенно не стоило.

Среди своих номеров они имели превосходного северо-африканского льва. Его звали «Король Сахары». У обоих, т.-е. у Рондера и его жены, был обычай давать представления внутри клетки со львом. Вот здесь вы видите фотографию такого представления. Судя по ней, вы можете заключить, что Рондер был огромной свинообразной личностью, а жена женщиной очень привлекательной. На допросе было засвидетельствовано, что у льва замечались некоторые угрожающие признаки, но как это всегда бывает в таких случаях, привычка заставила пренебречь опасностью и на этот факт не было обращено никакого внимания.

Обычно либо Рондер, либо его жена ночью кормили льва. Иногда отправлялся один из них

Оставался сидеть на

иногда оба вместе, но они никогда не позволяли делать это кому-нибудь другому, так как верили, что пока они будут приносить ему пищу, он будет считать их своими благодетелями и никогда их не растерзает.

В ту самую ночь, семь лет тому назад, они отправились вдвоем, после чего случилось ужасное происшествие, подробности которого так и остались невыясненными.

Повидимому, весь лагерь около полуночи был разбужен рычанием зверя и воплями женщины. Различные группы и служащие выскочили из своих палаток, держа в руках фонари, свет которых упал на ужасное зрелище. В десяти ярдах от клетки, которая была открыта, лежал Рондер, с проломленным затылком и глубокими следами когтей, шедшими поперек черепа. Рядом с дверью клетки лежала на спине м-сс Рондер с припавшим к ней и ворчащим зверем. Он так отчаянно растерзал ей лицо, что нельзя было и предположить, что она еще выживет. Несколько служащих цирка во главе с силачем Леонардо и клоуном Григгсом отогнали зверя шестами, после чего он прыгнул обратно в клетку и тотчас был заперт в ней. Осталось тайной, каким образом он оказался на свободе.

Судя по общим догадкам, супруги намеревались войти в клетку, но когда дверь была открыта, зверь выпрыгнул наружу и набросился на них. В свидетельских показаниях не было больше ничего интересного, за исключением того, что женщина в иступленной агонии непрерывно кричала «Трус!», «Трус!», пока ее несли обратно в фургон, в котором они жили. Прошло шесть месяцев, прежде чем она оказалась в состоянии дать свои показания; но следствие было проведено должным образом и оно пришло к заключению, что смерть последовала от несчастного случая.

— Какое же другое объяснение можно было предположить?

— Вы, конечно, вправе говорить так. И все же было несколько пунктов, которые ввели в затруднение молодого Эдмундса из Беркшайрского суда. Проворный

принять, чтобы помочь ей? Вы чувствуете всю трудность этих вопросов?

— Вполне.

— Затем было еще нечто другое. Оно приходит мне на ум сейчас, когда я снова передумываю все. Некоторые свидетели показали, что одновременно с рычанием льва и воплями женщины, какой-то мужчина в испуге поднял крик.

— Это был, вне сомнения, Рондер.

— Однако, раз у него был проломлен череп, вряд ли он мог говорить. А ведь, по крайней мере, двое свидетелей говорили о криках мужчины, смешивающихся с криками женщины.

— Мне думается, что к этому времени весь лагерь был полон криками. Что же касается остальных затруднительных пунктов, я думаю, что могу найти их объяснение.

— Я был бы рад проверить его.

— Они оба находились вместе в десяти ярдах от клетки, когда лев вырвался на свободу. Мужчина повернулся и был сбит с ног. У женщины возникла мысль войти в клетку и запереть за собой дверь. Это было ее единственным убежищем. Она направилась к клетке и как раз, когда она достигла ее, животное прыгнуло за ней и опрокинуло ее навзничь. На мужа же она рассердилась за то, что он своим бегством подогрел бешенство животного. Если бы они смело встретили льва, лицом к лицу, то могли бы запугать его. Отсюда ее вопли «Трус!»

— Ослепительно, Ватсон! Всего лишь одна трещинка на вашем бриллианте.

— Какая же трещина, Холмс?

— Как могло животное оказаться на свободе, если они оба находились в десяти ярдах от клетки?

— Возможно, что это какой-нибудь их враг освободил льва!

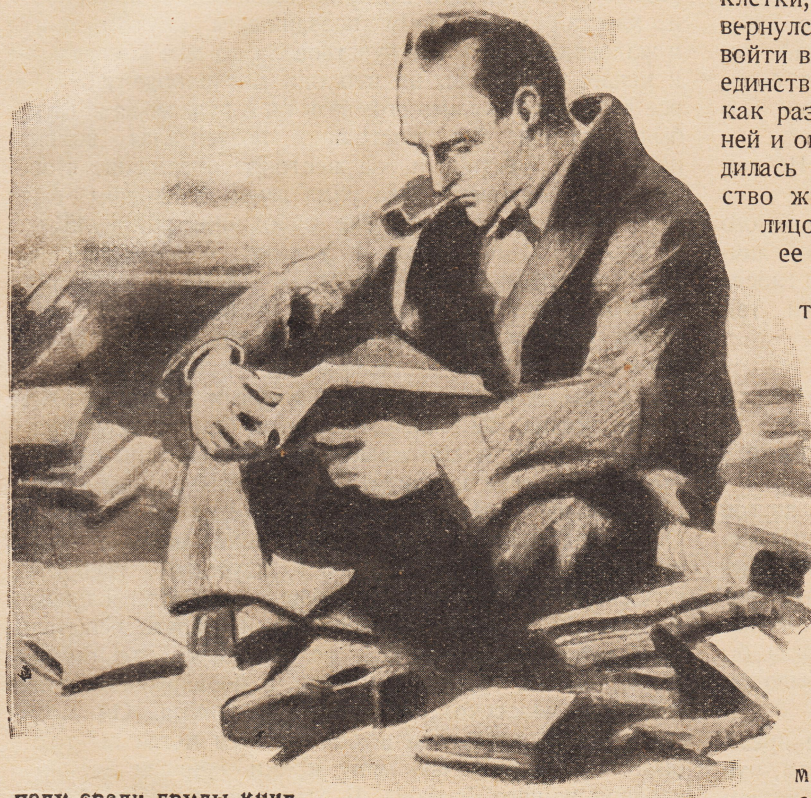
— А почему же лев так свирепо атаковал их, если он привык играть с ними всевозможные трюки внутри клетки?

— Возможно, что тот же враг сделал что-нибудь, чтобы взбесить его.

Холмс задумался и несколько моментов оставался в молчании.

— За вашу теорию, Ватсон, говорит следующее: Рондер был человеком, имевшим много врагов. По словам Эдмундса, он был ужасен в пьяном виде. Страшный буян, он осыпал всех ругательствами и наносил побои каждому, кто попадался на его пути. Я предполагаю, что эти крики о чудовище, о которых рассказывала наша посетительница, были ночными воспоминаниями о дорогом усопшем. Как бы там ни было, наши умозаключения ничтожны, пока в нашем распоряжении не будет всех фактов. В буфете есть холодная куропатка и бутылка Монтраше. Давайте-ка, подкрепим наши силы, прежде чем мы призовем их себе на помощь.

Когда наш возница высадил нас перед домом м-ссы Мэррилоу, мы застали эту толстую особу загораживающей во всю ширь отпертую дверь своего скромного и уединенного жилища. Ясно было, что больше всего она заботилась о том, чтобы не потерять своей ценной жилицы. Прежде чем провести нас наверх, она умоляла нас не говорить и не предпринимать ничего, что могло бы привести к столь нежелательному для нее концу. Успокоив ее, мы последовали за ней по крутой, застланной жалким ковром лестнице, и вошли в комнату таинственной жилицы.

полу среди груды книг.

парень! Он позже был послан в Аллагабад. Вот откуда я и был осведомлен об этом деле, потому что он неожиданно заглянул ко мне и, размышляя о нем, выкурив одну или две трубки.

— Худой желтоволосый человек?

— Совершенно верно. Я был уверен, что вы сейчас продолжите нить моего рассказа.

— Но что же затрудняло его?

— Мы оба были в затруднении. Дьявольски трудно было восстановить все происшествие. Взгляните на него с точки зрения льва. Он освобожден. Что же он делает? Он кидается пятью-шестью прыжками вперед, что приводит его к Рондеру. Рондер поворачивается, чтобы бежать, — следы когтей были у него на затылке, — но лев сбивает его с ног. Затем, вместо того, чтобы броситься дальше и убежать, он возвращается к женщине, которая находилась рядом с клеткой, сваливает ее и кромсает ей лицо. А с другой стороны, эти ее крики, как будто указывают на то, что ее муж в чем-то сплховал. Но что же мог этот бедняга пред-

Это было узкое и, как следовало ожидать, заплевываемое, плохо проветриваемое помещение, так как его обитательница редко покидала его.

Эта женщина содержала в неволе зверей, и вот, покакому-то странному возмездью судьбы, оказалась сама запертым в клетку зверем. Она сидела теперь в сломанном кресле в темном углу комнаты. Долгие годы бездействия огрубили линии ее фигуры, которая когда-то, очевидно, была прекрасной. Густая темная вуаль покрывала ее лицо, но она была срезана по линии верхней губы и оставляла открытым превосходной формы рот и изящно округленный подбородок. Я легко мог себе представить, что она действительно была когда-то очень красивой женщиной. Ее голос также был гармоничен и приятен.

— Мое имя не чуждо вам, м-р Холмс, — сказала она. — Я решила, что оно приведет вас сюда.

— Да, это так, сударыня, хотя я и не знаю, каким образом вы осведомлены о том, что я был заинтересован в вашем деле.

— Я узнала это, когда после моего выздоровления меня допрашивал агент сыскной полиции графства, м-р Эдмундс. Боюсь, что я солгала ему. Может быть, было бы благоразумнее, если бы я сказала ему всю правду.

— Всегда благоразумнее говорить правду. Но почему вы ему солгали?

— Потому что от этого зависела судьба еще одного человека. Я знаю, что он был очень недостойной личностью, но все же мне не хотелось бы, чтобы его гибель лежала на моей совести. Мы были так близки, так близки!

— Но разве это препятствие устранено?

— Да, сэр. Лицо, которое я имею в виду, теперь умерло.

— Почему же, в таком случае, вы не расскажете полиции все, что вам известно?

— Надо считаться с другим лицом. Это другое лицо — я сама. Я не могла бы вынести скандала и огласки, связанной с расследованием полиции. Мне недолго осталось жить и я хочу умереть непотревоженной. Но все же мне хотелось найти рассудительного и справедливого человека, которому я могла бы рассказать мою ужасную историю, чтобы все было бы понятно после моей смерти.

— Вы мне льстите, сударыня. Но в то же время я являюсь ответственным лицом. Я не обещаю вам, что после вашего рассказа я сам не сочту своим долгом передать это дело в руки полиции.

— Не думаю этого, м-р Холмс. Я слишком хорошо знаю ваш характер и ваши методы работы, потому что следила за вашей деятельностью в течение нескольких лет. Чтение — единственное удовольствие, оставленное мне судьбой, и я не пропускаю почти что ничего из того, что происходит на свете. Но, во всяком случае, я пойду на этот риск, какое бы вы ни сделали употребление из моей трагедии. Рассказ о ней облегчит мою душу.

— Мой друг и я, мы будем рады выслушать его.

Женщина встала и вынула из ящика фотографию какого-то мужчины. Он несомненно был профессиональным акробатом, человеком с великолепными физическими данными, и был снят со скрещенными на выпуклой груди мускулистыми руками и пробивающейся из-под густых усов улыбкой, — самодовольной улыбкой мужчины, одержавшего много побед.

— Это Леонардо, — сказала она.

— Силач Леонардо, который давал свидетельские показания?

— Он самый. А это... Это — мой муж.

Это было отвратительное лицо — свинья или вернее дикий кабан в образе человека — лицо, ужасающее своей животностью. Можно было живо представить в своем воображении, как этот подлый рот в бешенстве скрежетал и покрывался пеной, как эти маленькие, порочные глаза кололи злобным взглядом все окружающее. Злодей, буян, подлая тварь, — все это было написано на этом приплюснутом лице.

— Эти две фотографии помогут вам понять всю историю. Я была бедной девочкой из цирка, выросшей на опилках арены и прыгавшей в обруч еще до того, как мне исполнилось десять лет. Когда я стала женщиной, этот человек полюбил меня, если вожделение вообще можно назвать любовью. Словом, в один несчастный день я стала его женой и с этого момента попала в ад, где он был мучившим меня дьяволом. Не было ни одного человека в нашем цирке, который не знал бы как он со мной обращался. Он покидал меня ради других женщин. Он принуждал меня к покорности и хлестал меня своим наездничьим кнутом, когда я жаловалась. Они все чувствовали ко мне сострадание и ненавидели мужа, но что они могли поделать? Они все до одного боялись его, ведь он в пьяном виде всегда был ужасен. Он постоянно подвергался взысканиям за буйство и за жестокое обращение с зверями, но у него была уйма денег и штрафы были ему нипочем. Все лучшие работники покинули нас и цирк стал приходить в упадок. Только Леонардо и я поддерживали его вместе с клоуном, маленьким Джимми Григгсом. Бедняга, ему не над чем было особенно потешаться, но он делал все, что мог, чтобы наш цирк окончательно не развалился.

Потом Леонардо стал все больше и больше входить в мою жизнь. Вы видите, каким он был по внешности. Теперь я знаю, какой жалкий дух был заключен в этом прекрасном теле, но тогда, по сравнению с моим мужем, он казался мне похожим на архангела Гавриила. Он жалел меня и помогал мне, пока, наконец, наша дружба не перешла в любовь, глубокую, глубокую, страстную любовь, такую любовь, о которой я прежде мечтала, но какую я никогда не надеялась испытать. Мой муж подозревал нас, но я думаю, что он был настолько же трус, как и буян, а Леонардо был единственным человеком, которого он боялся. Он мстил по своему — терзая меня больше, чем когда бы то ни было. Однажды ночью мои крики привели Леонардо к двери нашего фургона. В эту ночь мы были близки к трагедии. Мой муж не должен был дольше оставаться в живых. Мы задумали умертвить его.

У Леонардо была умная, изобретательная голова. Это он все задумал. Я говорю это не затем, чтобы порицать его; ведь я сама была готова шаг за шагом пройти с ним весь этот путь, но у меня никогда не хватило бы изобретательности для такого замысла. Мы сделали дубину — Леонардо сделал ее — и укрепил в ее свинцовый конец пять длинных стальных гвоздей, остриями наружу, на таком же точно расстоянии друг от друга, как когти на лапе льва. Эта дубина предназначалась для того, чтобы нанести смертельный удар моему мужу, но вместе с тем создать впечатление того, что это совершил лев, которого случайно выпустили на свободу.

Была черная, как смола, ночь, когда я и мой муж, по нашему обычаю, спустились вниз, чтобы накормить зверя. Мы несли с собой в цинковом ведре сырое мясо. Леонардо поджидал нас за углом большого фургона, мимо которого мы должны были пройти, прежде чем добраться до клетки. Он промедлил и мы прошли мимо

него прежде, чем он смог нанести удар, но он неслышно последовал за нами и я услышала треск, когда дубина раздробила череп моего мужа. При этом звуке мое сердце забилося от радости. Я прыгнула вперед и отодвинула засов, запиравший дверцу львиной клетки.

Вот тут-то и произошло нечто ужасное. Вы наверное слышали о том, как быстро эти создания чуют запах человеческой крови. Какой-то странный инстинкт мгновенно внушил этому созданию, что было убито человеческое существо. В тот момент, когда я проскользнула мимо брусьев дверцы, оно выскочило наружу и в мгновение ока очутилась на мне. Леонардо мог бы спасти меня. Если бы он кинулся вперед и ударил зверя своей дубиной, он мог бы спугнуть его. Но у него не оказалось мужества. Я слышала, как он завыл от страха, а потом увидел, как побежал. В то же мгновение зубы льва впились мне в лицо. Его горячее, нечистое дыхание уже отравило меня и от боли я едва сохраняла сознание. Я пыталась ладонями моих рук оттолкнуть от себя большие, дымящиеся, запятнанные кровью лапы и кричала, призывая на помощь. Я сознавала, что лагерь пришел в волнение, потом я смутно припоминаю еще, как несколько мужчин, Леонардо, Григгс и другие вытаскивали меня из-под лап зверя. Это было моим последним воспоминанием, мистер Холмс, в течении многих томительных месяцев. Когда я пришла в себя и увидела

себя в зеркале, то прокляла этого льва. О, как я прокляла его, не за то, что он унес мою красоту, но за то, что он не унес моей жизни. У меня было только одно желание, мистер Холмс, и достаточно денег, чтобы осуществить его. Мне хотелось так укрыться, чтобы никто не видел моего бедного лица и поселиться там, где меня не сможет отыскать никто из тех, кого я прежде знала. Несчастный, израненный зверь, который заполз в свое логовище, чтобы умереть — вот мой конец.

Мы молча сидели некоторое время после того, как несчастная женщина рассказала свою историю. Потом Холмс вытянул вперед свою длинную руку и похлопал м-сс Рондер по руке с таким видимым сочувствием,

какое ему редко случалось обнаруживать. «Бедняжка, — сказал он, — бедняжка! Но что же произошло потом с этим человеком, с Леонардо?»

— Я никогда не видела его больше и ничего о нем не слыхала. Может быть, я была не права, питая к нему такую горечь. Он мог бы скорее полюбить одного из уродцев, которых мы возили по всей стране, чем то, что осталось от меня после нападения льва. Но любовь женщины не так-то легко проходит. Он оставил меня в лапах зверя, он покинул меня в горькой

нужде и все же я не смогла заставить себя послать его на виселицу. Что касается меня самой — мне было безразлично, что со мной станет. Что ужаснее моей теперешней жизни? Но я стояла между Леонардо и его судьбой.

— Он умер?

— Он утонул в прошлом месяце, около Маргета. Я прочла о его смерти в газете.

— А что он сделал с этой дубиной с пятью когтями, которая является самой замечательной и хитроумной частью всей нашей истории?

— Не могу вам этого сказать, мистер Холмс. Около лагеря есть меловая ломка с глубоким заросшим прудом у ее основания. Может быть, в глубине этого пруда...

— Возможно, возможно... Сейчас это не имеет значения. Дело закончено.

— Да, сказала женщина! — дело закончено.

Мы уже поднялись, собираясь уходить, но что-то в голосе женщины привлекло внимание Холмса. Он быстро обернулся к ней.

— Ваша жизнь не принадлежит вам, — сказал он. — Удержите свои руки!

— Какая польза в ней кому бы то ни было?

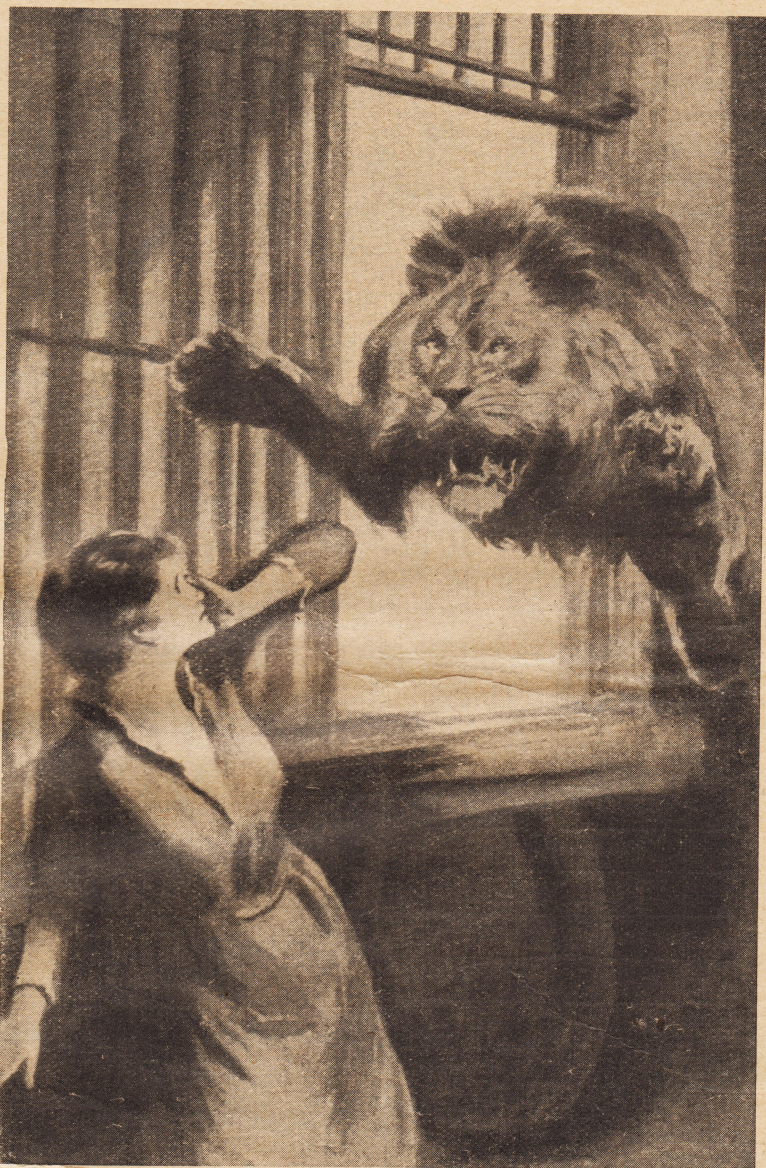
— Как знать? Пример терпеливого страдания...

Ответ женщины был ужасен. Она подняла свою вуаль и шагнул вперед к свету, сказала:

— Я удивлюсь, если вы в состоянии вынести это!

Это было жуткое зрелище. Никакими словами нельзя описать остоу лица, когда само лицо уничтожено. Живые и прекрасные карие глаза, грустно глядевшие из этой отвратительной руины, придавали ей еще более страшный вид.

Холмс поднял руку в знак сострадания и протеста. Мы вместе молча вышли из комнаты.

Леонардо мог бы спасти меня.

Восемь новых испытаний

Они выяснят вашу собственную умственную машину

ВАМ не имеет смысла идти к эксперту-психологу, чтобы выяснить наличие у вас определенных умственных способностей. Головоломки, составленные уже известным вам Самом Ллойдом, могут дать вам точное представление о своих способностях. Решая предлагаемые задачи, вы не только развлекаетесь, но одновременно вырисовываете и свой умственный облик. Отмечайте время, затраченное на решение задач, чтобы точнее установить гибкость своего ума, силу воображения, способность к анализу и т. д.

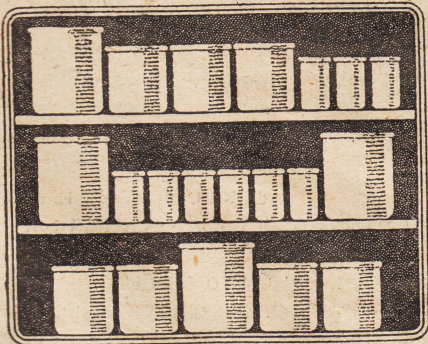
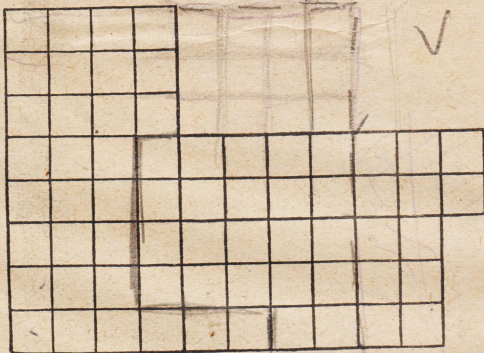
Вам предлагается восемь задач. Решите же их!

Ответы на задачи

Правильные решения всех этих восьми задач будут даны в следующем номере «Вокруг Света».

Способность к анализу

КВАДРАТ со сторонами 8×8 каким-то образом разрезан на две части, которые были сложены вместе и образовали представленную на рисунке фигуру. Вы должны пойти обратным путем, т. е. воссоздать первоначальный квадрат, сложив вместе две его части. Решив задачу в 5 минут, можете быть уверены, что вы наделены хорошим чувством формы и способностью к анализу.

Подвижность ума

НА трех полках мы видим двадцать сосудов трех различных размеров. Они расставлены так, что емкость всех сосудов на каждой полке одинакова. Если самый маленький сосуд вмещает три полулитра ($1\frac{1}{2}$ литра), то сколько литров содержат все двадцать сосудов? Гибкость и подвижность вашего ума блестяще подтвердится решением задачи в 7 минут.

Сколько же лет?

КАК долго мы женаты? — спросил мой дядя свою жену. — «Я замужем за тобой две трети моей жизни, но так как ты на двенадцать лет старше меня, то мог быть моим мужем в течение шести одиннадцатых всей своей жизни». Решив задачу в 10 минут, вы докажете свою безусловную способность к быстрому умственному счету.

Быстро ли вы схватываете?

В одном избирательном округе имелось три кандидата и 7200 избирателей. Победитель получил 100 голосов на каждые 80, поданных за его самого опасного соперника, а последний получил 100 голосов на каждые 75, поданных за третьего. Сколько же голосов получил победитель?

У вас имеется исключительная способность к логическому сочетанию отдельных фактов, если вы справитесь с задачей в 4 минуты.

Находчивы ли вы?

Вы видите перед собой пару старомодных очков, которые можно нарисовать разом одной непрерывной линией. Не отрывая карандаша от бумаги, так скопируйте этот рисунок, чтобы ваша линия нигде не перекрещивалась. Если сумеете сделать это в 12 минут, то из вас мог бы выйти прекрасный разведчик.

Склонны ли вы к математике?

ДВЕ верхние строчки изображают цифры, которые при сложении друг с другом или при умножении друг на друга дают одинаковый итог. Точно также построены и равенства на нижних двух строчках. Найдите, какие цифры обозначают В и С. Математический ум найдет решение в 8 минут.

$$2 + 2 = 4$$

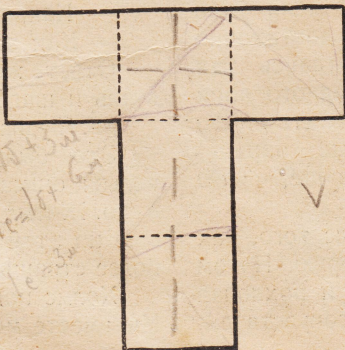
$$2 \times 2 = 4$$

$$3 + B = C$$

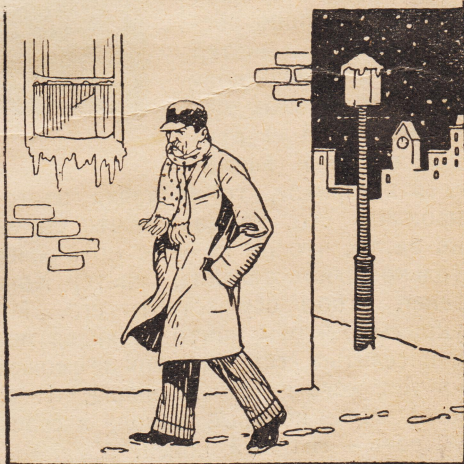
$$3 \times B = C$$

Чувство формы и симметрии

Предположим, что вы землемер и хотите изображенный на рисунке в виде буквы Т участок земли разжевать не на пять одинаковых частей, а на четыре. Где бы вы провели тогда пунктирные линии? Конечно, вы разделите, но только как быстро? Размежевание в 8 минут укажет на безусловное чутье формы и симметрии.

Задача на воображение.

«Метель стонет, ужас и ад! — говорит прохожий. — Предлагаем из всех букв данной фразы составить новую фразу, подходящую для данного рисунка. Человек с живым воображением справится с этой задачей в полчаса.

ИЗМЕНЯЕТСЯ-ЛИ ЛИЦО ЗЕМЛИ?

Теория о подвижности материков.

Весьма причудливую и вместе с тем очень важную теорию должны проверять в настоящее время радио-станции, разбросанные по всему земному шару.

Профессор Грауского университета (Австрия), Альфред Вегенер, и германский геолог, д-р Вильям Шютте, выдвинули гипотезу, что вся масса земли составляла некогда единый материк, прежде чем расколоться на отдельные известные нам материки. Мало того, эти ученые утверждают, что существующие ныне материки продолжают изменяться и до сих пор, заметно сползая одновременно к западу и экватору. Таким образом, Европа сжимается, Франция и Германия опускаются, а Норвегия и Швеция, наоборот, продолжают все выше подниматься над уровнем моря.

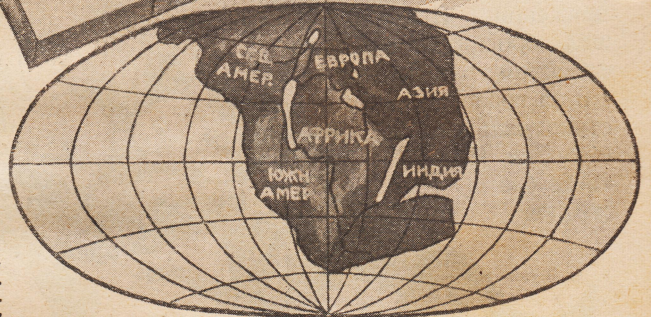
Радио-станции своими наблюдениями, делаемыми через пятилетние промежутки, должны будут либо подтвердить, либо опровергнуть эту гипотезу. Действительно ли Гренландия, напр., сползает к западу со скоростью 30 метров в год и движутся ли остальные массы суши в том же направлении, хотя и с меньшей скоростью? Этот вопрос будет окончательно выяснен лишь через 10 лет.

Наши рисунки показывают, какие наглядные доказательства приводятся в пользу изложенной теории. Очертания нынешних материков могут быть так вложены друг в друга, словно они были выпилены из одного куска. Возможно, что здесь простое лишь совпадение, но оно заставило все же ученых призадуматься.

Что же вызвало этот возможный разрыв единого материка и постепенную его передвигку в западном направлении? — Притяжение солнца и луны — отвечает проф. Вегенер. — Самая же передвигка плотной массы земли объясняется тем, что верхний слой суши (которому дано название «Сиаля») значительно мягче того более плотного слоя, на котором он покоится (этот нижний слой назван «Сима»). Изображенный здесь опыт с монетой и смолой поясняет сказанное. Если положим монету на кусок смолы и нажмем пальцем, то не получится ровно никакого следа от их сжатия, но оставим на продолжительный срок монету лежать на том же куске и она погрузится в холодную смолу.

Теория единого материка подтверждается тем фактом, что за один берег Африки удивительно походит к восточному берегу Америки.

Как располагается земля, показываю эти два рисунки. Верхний изображает землю, когда она была еще состояла из единого, огромного материка, а нижний — когда земля уже распалась на части.

В БЕГАХ

Рассказ

С. П. Райта.

Мы предлагаем нашему читателю рассказ, который по своему стилю, равно как по содержанию, так отчетливо напоминает нам покойного Джека Лондона.

В упряжке Кирма всегда шла вожак. Она была умна, понятлива, дело свое знала прекрасно и не выносила никаких замечаний хозяина; за тихим нравом ее скрывалось упорство и настойчивость. Приступая к работе, она не позволяла себе никаких вольностей, — ни прыжков, ни лая.

И несмотря на все это, однажды, будучи особенно голодной, продрогшей и озлобленной, она сделала ошибку. И человек направился к ней...

Она, припав к земле, ждала в напрядении... И когда он подошел, бросилась огромным прыжком и схватила его за горло. Инстинктивно он вырвался. И тогда бле-
стящие,

И схватила его за горло.

слонявые клыки безжалостно врезались в лицо... Все глубже и глубже, сквозь кожу, мускулы, хрящи вонзались зубы и, наконец, она ощутила на своем языке соленый вкус крови. В этот момент у нее поскользнулись ноги, она упала на землю, перевернулась и напряглась для нового прыжка; глаза заматали зеленые искры. Вокруг исступленно, словно тысячи демонов, лаяли, выли, рычали собаки; но она злое молчала.

Без звука, без лишнего движения, человек вынул револьвер; с трудом, через потоки крови, застилавшие глаза, поймал взглядом собаку и выстрелил.

Пуля стукнулась между глаз... И вместо прыжка, она рванулась вперед и с рычанием и визгом забилась на снег. Два, три судорожных хрипа и все было кончено.

Звук выстрела резко прервал демонический концерт. Послушные команде собаки сбились в кучу, продолжая трястись от страха.

Он ткнул ногою в бок, — пуля чисто сделала свое дело, — и отошел к огню. В красном пламени костра вид его бы лужасен: вместо лица беспорядочно торчали клочья мяса, черная кровь струйками стекала и капала с подбородка и угловатых скул на землю. Но его, казалось, это мало смущало, он двигался около костра и делал свое дело так, словно ничего особенного не случилось и он занят приготовлением своей обычной пищи. Заботливо растопив снег и подождав, пока вода согреется, он достал из тобагана ящичек, вынул из него какой-то черный порошок и всыпал в котелок. Вода замутилась, забурилась и над котелком поднялось густое белое облако пара. Из того же ящичка вынул антисептический бинт, осторожно развернул, смочил в приготовленном растворе и стал, глядясь в небольшое зеркальце, тщательно промывать раны. И когда едкая жидкость попадала на живое мясо, содрогался от нестерпимой боли, но не издавал ни единого звука.

Высокий, худой — верный признак эмоциональности, — Фредерикс Веллингтон имел прекрасную военную выправку. Его голубые глаза, — не те бледные, ничего не выражающие и не из тех ласкающих глаз бонвивана, но холодные, пронизательные, цвета льда, — они прекрасно гармонировали с его тонкими губами, острыми скулами и сильными тяжелыми кулаками.

Закончив процедуру промывания, он аккуратно уложил все вещи снова в ящичек и занялся приготовлением ко сну. Костер заглох. Он подбросил бересты и когда пламя ожило и ярко заиграло, навалил дров, большой запас которых сделал еще засветло. Вытащив широкие, подбитые кроличьим мехом одеяла, он плотно укутался и улегся в мешок, подвешенный между деревьями. Но сон не шел. Нестерпимая, жгучая боль не давала покоя. Пристальный, угрюмый взгляд следил за пламенем костра.

Убедившись, что сон не придет, он извлек из кармана пачку папирос с каким-то необычным, заграничным клеймом; обертка была изрядно помята и загрязнена как бы от долгого хранения. Осторожно вынув одну из немногих оставшихся папирос зажал ее губами, пачку же снова заботливо спрятал.

Прикурив от горящей ветки костра, жадно, глубоко затянулся и выпустил из ноздрей две густых струи дыма.

— Вот это приятно, — мечтательно проговорил он и попытался улыбнуться. Но обнаженный нерв мускула резко запротестовал.

— Как странно, — размышлял Веллингтон, пуская в огонь колечки дыма, — что это сделала именно самка. Одна начала и похоже на то, что другая кончит. Без крова и без термометра, — положение в котором он находился все последние недели, — трудно рассчитывать на выздоровление, даже в том случае, если не будет заражения.

— Если бы удалось набрести на хижину охотника за пушиной, где можно рассчитывать не быть узанным...

Радостный огонек блеснул в его ледяных глазах, и гримаса, напоминающая улыбку, на минуту искривила губы.

— Да, пожалуй, в таком виде меня не признала бы и родная мать, — неожиданно заключил он, тяжело вздыхая. Фредерик Веллингтон и его история умирают от клыков Кирмы...

Он глубоко задумался, уперев взор в полуночное небо, и смотрел до тех пор, пока папироска, догорев до конца, не обожгла ему пальцы. Швырнув ее в сторону, он устроился поудобнее и стал засыпать, бормоча в полусне: Веллингтон умирает, умирает...

На утро он был на ногах задолго до того, как серый туман потянулся от снежного покрова на север и восток. Мучительная боль не дала заснуть ему крепким здоровым сном, он спал только урывками.

Собаки тоже плохо отдохнули. Без Кирмы упряжка была не полна и тяжела для оставшихся. С трудом удалось Веллингтону заставить понять рычащих, озлобленных, голодных зверей, что они должны идти без вожака. Но к полудню дело совсем подналадилось, собаки бежали дружно, весело. Два раза была стоянка, Веллингтон подкреплял себя горячей пищей. Один раз он бросил и собакам несколько кусков промерзшей оленины вместе со шкурой, которую они разом проглотили.

Стоянки были очень непродолжительны, а затем Веллингтон немилосердно гнал собак, чтобы наверстать потерянное время. Адская боль, при малейшем движении становилась прямо-таки нестерпимой, но он упорно крепился и только глаза предательски выдавали его страдания.

Держась все время восточного направления, после полудня он наткнулся на «Рыбное Озеро». Прорезав его в северной части, направился вверх по «Щучьей реке». В восьми или девяти милях отсюда, при впадении небольшой реченки, находилась главная резиденция некоего Сэди Лекомта, француза-канадца, охотника за пушным зверем, — человека с сомнительным прошлым, но с душой ребенка.

Веллингтон только раз встретился с Сэди, — это было еще до того, как цепкая рука закона начала преследовать его. И он вспомнил разговор, как тот недурно устроился на «Щучьей реке». Зная, что охотники часто скрывают свои хижины, не желая привлекать внимания индейцев и случайных прохожих, Веллингтон зорко смотрел по сторонам сквозь быстро стужающийся сумрак. Обогнув крутой поворот реки, покрытый густым лесом, он неожиданно увидел перед собой тусклый желтый прямоугольник света, который мог исходить только из окна.

— Прекрасно, — бормотал Веллингтон в радости, — значит мне удастся поймать Сэди дома. Не будь света я бы, пожалуй, прокатил мимо. Наконец-то счастье, как будто заулыбалось мне.

Подойдя к дому он был несколько изумлен, не услышав лая Сэдиных собак. Он был уже у самой двери, а никаких признаков жизни не замечалось. Но вот, наконец, послышался звук отодвигаемых засовов и на пороге хижины появилась женская фигура. Она пристально вглядывалась в темноту.

— Сэди? — спросила она в недоумении.

— Не Сэди, мадам, но его друг и в беде. — С этими словами он выступил вперед с тем расчетом, чтобы свет пал на его изуродованное лицо.

— Если бы я осмелился попросить вас впустить меня обогреться.

Женщина увидав лицо Веллингтона, чудовищно изуродованное ранами, почерневшими от мороза, всплеснула руками.

— Боже мой, вы ранены! И так ужасно! Скорее в тепло! Я вам окажу помощь.

Так Веллингтон вошел в дом Сэди Лекомта.

На следующий день в полдень появился и сам Сэди, обветренный, с заиндевевшими усами и бровями, из под которых радостно блестели добрые глаза. Гостя он встретил со восторгом, свойственным его расе, и гостеприимством человека, долго не выдавшего людей.

— М-сье Белл! — Это было новое имя Веллингтона. — Очень, очень рад!

И выслушав историю Веллингтона, воскликнул:

— Моя жена, Жаннета, вылечит вас лучше всякого доктора. Ваше лицо вскоре будет здоровым, правда, оно может не быть таким прекрасным, как прежде. — Здесь он выразительно пожал плечами. — Но, во всяком случае, все будет сделано так же хорошо, как это сделал бы доктор.

— М-м Лекомт прямо таки ангел милосердия. Боль почти что утихла. Через несколько дней я буду исправен, как скрипка, благодаря заботам м-м. И Веллингтон галантно раскланялся в сторону раскрасневшейся от похвал Жаннеты.

Сэди самодовольно улыбнулся и обнял жену за плечи своими корявыми руками. Она вздрогнула, словно он испугал ее, и яркий блеск ее темных глаз внезапно потух. Но Сэди ничего не заметил.

— Вы, м-сье, наверное знаете, что мы женились прежде, чем поселились в этих местах. Здесь мы провели, как говорят, наш медовый месяц, — и он усмехнулся своей остроте.

— Год или два тому назад, когда мы с ним встретились, Сэди еще не был женат, — размышлял Веллингтон про себя — Почему же Жаннета не проявляет нежности, свойственной молодоженам. Что все это значит?

Он искал глазами разрешения и вдруг вздрогнул от встречного взгляда Жанетты, и циничная улыбка искривила его рот. О, он знал этот взгляд. Он видал его много раз у других женщин.

— Да, вам можно позавидовать, — сказал он тихо, обращаясь к Сэди. — Не всякому мужчине улыбнется счастье найти женщину, которая согласилась бы отправиться в эту дикую страну, отказаться от нарядов, танцев, общества и прочих культурных прелестей.

— О! — воскликнул Сэди, — вы правы, в этом отношении я счастливейший человек на свете.

Жанетта сверкнула быстрым взглядом в сторону Веллингтона и выразила на лице отвращение. И он нутром почувствовал, что близится к чему-то роковому.

— Мне думается, мадам, что вы должны бы были бояться оставаться долгое время в этой далекой, огромной, уединенной стране, — заметил он.

— Бояться? Чего ж? — усмехнулась Жанетта. Правда, мне иногда не достает музыки, друзей... Но бояться здесь нечего...

— А скверных людей? — задал он казуистический вопрос, — например, таких, как Веллингтон, которых преследует полиция и которые в действительности скверные люди.

— Я встречал этого Веллингтона, — вскричал пылко Сэди. — Он очень приятный малый и совершенно не похож на злодея.

— О! расскажи мне о нем! Скверный человек, это всегда человек приключений, это страшно интересно!

Веллингтон слегка наклонился с улыбкой.

— Я не знаю всей истории в подробностях, — начал Сэди, — но я знаю, что он большой джентльмен. В обращении же с женщинами он был сущим дьяволом. Лэди, которая была самой знатной дамой в Монреале, и та ему делала глазки. Он, конечно, вскружил ей голову а впоследствии и сам влюбился в нее. И вдруг, в один прекрасный день, он узнает, что лэди завела флирт. Она не любила его, да и вообще никого не любила. Он подкараулил ее ночью. Она отдавала ласки другому, как когда-то ему...

— Бог мой! Что с вами, м-сье, вам дурно! — Сэди с беспокойством наклонился над ним.

Веллингтон покачал головой; его лицо, за минуту перед тем побелевшее и еще резче обозначившее ужасные рубцы, постепенно принимало прежний вид.

— Ничего особенного, уверяю вас, — проговорил он уже спокойно, полез в карман и вытащил пачку редких заграничных папирос.

— Я вдруг почувствовал острую боль старой раны, вот и все... Давайте покурим.

— Благодарю вас, я курю только свою старую трубку, — отказался Сэди.

Веллингтон стукнул концом папиросы о свою левую руку. — Не продолжите ли вы ваш рассказ?

И когда Сэди начал, Веллингтон затаился папиросой и закрыл глаза. Его легкие наполнились тонким прекрасным знакомым ароматом. Запах табака в ноздрях приятно волновал и слегка туманил голову. Как легко перенестись во времени... Он не долго оставался в Сэдиных воспоминаниях. Мысли закружились вихрем, в воображении понеслись голоса, сцены другого далекого мира. Мира, где иные привычки, одежда, где едят и пьют на дорогом серебре и тонком фарфоре, где бесконечные белоснежные скатерти... Он весь ушел туда и только Сэдин голос, несколько повысившийся в тонах, вернул его к действительности.

— Вы скажете, что он сошел с ума? Но мужчина, который молод и лобит, становится неузнаваем. Он способен на дикие, ужасные поступки... И вот так... двумя своими руками он прикончил ее.

Сэди сжал руки, как бы душа кого-то за горло. Он сжимал их все сильнее и сильнее до спазм, видимо переживая жуткую сцену.

— После этого он струсил. Так говорили, лично я не считал его трусом, — и сбежал. Мы вначале, конечно, ничего не знали. Но тут нагрянула полиция и все обнаружилось. Веллингтон же скрылся, и вот два или три года полиция тщетно ищет его. Но Веллингтон хитер! О, он очень хитер...

— Он трус! — сказала Жанетта с презрением. — Он не настоящий мужчина, убежать так...

— Но, ты понимаешь: — закон! Его нельзя убеждать и с ним нельзя бороться. Нужно бежать, иначе — пф! — Сэди сделал энергичный жест, — и всему конец.

— Закон, — заметил тихо Веллингтон, — тоже не безгрешен. Он часто делает ошибки, ужасные, неправимые... Например, в данном случае, почему непременно Веллингтон должен был убить. Это мог сделать и муж лэди, которому, наконец, открыли глаза и он пожелал защитить свою честь.

— Но говорят, что в ночь убийства Веллингтона видели в ее саду, и, кроме того, он в эту же ночь скрылся. Муж же был в постели до утра и ничего не подозревал.

— Возможно, — продолжал Веллингтон все тем же мягким, тихим голосом, — что он и пришел в сад,

чтобы встретиться с лэди, и нашел ее там, как рассчитывал, но не одну. Возможно, что не он убил, а эта сцена так убила его самого, что он убежал из сада, из города, от всего мира, от всех... Бежал от нее, от памяти о ней, которая преследовала его...

Сэди, удивленный той страстностью, с которой Веллингтон закончил свой рассказ, спросил:

— Но, как же...

— Очень просто: муж все видел и когда любовник ушел, он взял ее белую шею в свои руки и сжал. Через мгновение она была мертва. Он же отправился к себе и спал до утра.

Преступник был быстро найден. Сплетницы города собирались по двое, по трое: — несомненно, человек, который так внезапно оставил город, должен быть убийцей... Как вы находите этот план, м-сье Лекомт?

— Да, просто... очень просто... Но полиция... Она никогда не поверит.

Веллингтон бросил папиросу на пол и затоптал ее ногой. — Да, полиция никогда не поверит, — заметил он задумчиво.

Наконец раны Веллингтона зажили настолько, что он мог уходить с охотниками на довольно далекие прогулки. Вместе с выздоровлением в нем возросло желание идти назад. Ему казалась странной та ненависть к вечной тишине, к белым пространствам лютого севера, какую он питал во время своего вынужденного, абсолютного одиночества.

Общество Сэди было несомненно приятнее, чем общество собак среди мертвой тишины и бесконечных рядов кустарника. Но Сэди был очень занят своей охотой и дома оставался редко. Сэдиной же жены он избегал. Он хорошо разгадал ее примитивную чувственную натуру. Любовь такой женщины легка, как ветер, а злоба и ненависть бешены по звериному. Веллингтон не раз ловил на себе ее красноречивые взгляды. И чем дальше, тем чаще и чаще. И он уходил из дома. Чтобы отплатить хоть отчасти Сэдино гостеприимство, он стал ставить западни не遠деке от дома, часах в четырех, пяти ходьбы на лыжах. Сэди давно забраковал эти места, но Веллингтон, вопреки всему, получал хорошую добычу.

— Я очень удивлен, м-сье Белл, — говорил Сэди. — Я прекрасно изучил всю эту местность; на этом горном хребте, где ваши западни, никогда не бывало наших маленьких друзей, а между тем вы приносите так много ценных шкурок. Завтра я пойду с вами посмотреть на ваши чудеса. Вы прекрасный зверолов.

— Вы шутите, Сэди. Вы занимаетесь звероловством давно, вся же моя практика сводится к двум выводам прошлого года.

— Это не так, моя дорогая, — обратился он к Жанетте. — М-сье Белл очень скромн. — Жанетта медленно подняла свои темные глаза. Ее взгляд остановился на Веллингтоне и заискрился.

— Да, м-сье Белл слишком скромн, — сказала она с удивлением. — Если бы он был смелее, то получил бы больше. — Интонация голоса и многозначительность последних слов прошли совершенно незамеченными Сэди, но не Веллингтоном.

— Лучшее то, что есть, — заметил Сэди. — Человек, который много говорит, мало делает.

Веллингтон поспешил переменить тему разговора. В глубине же души радостно подумал, что в ближайшие дни всему этому будет положен конец — он уходит. Он не сомневался, что в конце концов эта увлекающаяся женщина бросится ему на шею. Он же был очень чуток ко всякой опасности.

Завтра же он покажет Сэди места, а затем запряжет своих собак и отправится...

Следующий день был ясный, морозный, прекрасный для ходьбы на лыжах. Снег, белый и сухой, как соль, блестел и похрустывал под лыжами охотников. Собаки весело бежали впереди, легко таща нагруженные сани.

— О, о! Что это! Взгляните-ка! — Веллингтон указал на след впереди, который пересекал их путь под прямым углом. — Какие-то охотники делают вам визит.

А в глубине души вспыхнул старый страх, страх загнанного зверя.

— Нет, здесь на много миль вокруг нет других охотников и они не ездят в гости. Звероловство тяжелый труд и в сезон не находится лишнего времени для удовольствий. Мы спускаемся вниз, на почту, только в Рождество и устраиваем там шумное сборище. Весною, правда, мы передвигаемся и живем весело. Но нет, м-сье, я не думаю, что это охотник. — Они приблизились к следу и Сэди занялся внимательным изучением его.

— Ага! Я понял! Это след м-сье Дейл, здешнего полицейского. Это след его широких саней. М-сье Дейл, когда бывает в здешних ме-

Увы, его помощи не требовалось.

стах, всегда заезжает ко мне. Значит сегодняшнюю ночь мы проведем в приятной компании. М-сье Дейл большой шутник и весельчак.

Но Веллингтона мало занимала болтовня Сэди.

— Провинциальный полицейский здесь. Ночью он должен встретиться лицом к лицу с одним из этих ищеек, которые преследуют его в течение долгих, тяжелых месяцев. Скроют ли его ужасные рубцы. Придется ли ему давать отчет и если да, то что он скажет? Будет ли он узан после долгих скрываний, стольких мучительных дней и ночей. Будет ли он...

— Взгляните! Куница, и какая прекрасная, — воскликнул Сэди, прыгая мимо Веллингтона, погруженного в свои тяжелые думы. Обычные западни делались из сетей, но эта западня была приготовлена Веллингтоном особым способом.

Куница была еще жива и полна сил. И когда двое охотников приблизились, она бросилась назад, насколько ей позволяла цепь капкана, припала к земле и глаза ее заблестели от злобы и ужаса.

— А, мой злой зверек! — усмехнулся Сэди, вынимая револьвер и взводя курок. Успокойся, один короткий момент и...

Не спуская глаз с разъяренного зверька, он сделал шаг вперед, неудачно ступил на обледеневшую ветку,

поскользнулся и упал в снег. Раздался глухой выстрел... Хриплый крик вырвался из груди Сэди. И прежде, чем Веллингтон что либо сообразил, тело Сэди судорожно дернулось раз, другой и удобно успокоилось в мягком снегу. Во время падения пальцы бессознательно сжали курок...

Придя в себя, Веллингтон подошел и перевернул Сэди. Увы, его помощи не требовалось. Веллингтона объял ужас... Мысль, что и он отчасти является виновником смерти Сэди, кольнула его. Заботливо, даже с нежностью уложил он Сэди в сани и повернул нервничающих собак обратно по старому следу. Сквозь белую, дикую, тихую до жути местность подвигалась грустная процессия к дому.

Около ярко освещенной хижины стояли комфортабельные широкие сани, а недалеко от них лаяли, рычали, огрызались привязанные собаки. Сердце Веллингтона учащенно забилося. Невольно его взгляд привлёк дымок, кутившийся над крохотной избушкой, прильнувшей к скале. Это была примитивная баня — необходимая принадлежность каждой хижины белого охотника.

Там мылся полицейский. Вздых облегчения вырвался из его груди при мысли, о некоторой отсрочке.

Дымок же продолжал спокойной струйкой подыматься кверху и затем медленно расстился по кустам.

Жанетта не заметила возвращения Веллингтона, несмотря на лай собак, и, когда он вошел, вздрогнула от неожиданности. По его лицу она почувствовала беду.

— М-сье, что случилось? — глаза ее расширились и потемнели, а лицо побелело от страха. — Скорей, скорей говорите...

Его горло сжалось. Слова отказывались выходить.

— Ваш муж... Сэди... он... с ним случилось несчастье... он... — едва слышно бормотал Веллингтон.

— Он погиб?! — словно разбилось что-то в Жанетте. — О, мой дорогой Сэди! Его нет в живых! Возможно ли это? — с мольбой смотрела она на Веллингтона и ее прекрасные глаза застилались слезами.

— Как... как это могло произойти?

В коротких словах он рассказал все. Его твердый голос, казалось, успокоил ее. Она перестала плакать и, когда он кончил, глаза ее вновь блестели. Спокойно наблюдала она, как Веллингтон вышел и внес тело ее мужа, спокойно помогла уложить тело на скамейку и прикрыла лицо бедняги.

— Как печальна эта случайность, — проговорила она тихо, смотря в упор на Веллингтона. — Но сильный мужчина получит то, чего желает, не так ли, м-сье? — Вкрадчивая, мягкая томность появилась во взгляде.

Веллингтон насторожился. От загадочных слов и глаз женщины душа наполнялась адскими сомнениями. Он обдал ее холодным, злым взглядом.

Она отступила на шаг и подняла мягкую, смуглую руку, как бы желая защититься от удара.

Но он не двинулся с места... Осторожно залез в карман и вынул потрепанную пачку. Там оставалось только две папиросы. Он выбрал одну, слегка стукнул ею и закурил. Под кажущимся спокойствием напряженно работала мысль.

— Вы думаете, что это я убил Сэди, — произнес он холодно.

— Я не говорю этого и не буду говорить. Но сильный мужчина, который любит, не задумывается убить. Не так ли?

— Нет! — прогремел Веллингтон, отбросив всякую осторожность. — С чего это вы взяли, что я люблю вас... Я вас ненавижу! Я избегаю вас, как чумы! — Он остановился на минуту, задыхаясь от злобы и ненависти.

Лицо женщины сначала побелело, затем покрылось густой краской. Из закушенных губ брызнула кровь и окрасила их в малиновый цвет, цвет злобы.

В глазах промелькнули тысячи различных выражений.

— Потихе, — сказала она, и голос ее был сух и жесток, как хруст сухих осенних листьев под ногами. — М-сье Дейли еще здесь — и затем, — тут голос ее заиграл на самых высоких тонах: — вы будете арестованы... м-сье Веллингтон!..

Он бросил папиросу в маленькую железную печку. — Ну? — произнес он тихо, когда она умолкла. — Ну? — передразнила она. — Я думаю представить вас м-сье Дейли. Я надеюсь, он будет рад познакомиться с вами, м-сье Веллингтон.

Он вынул корабин, и в его глазах появилась стальная решимость. — Одежда моя в порядке, — проговорил он, беря из угла парусиновый мешок, — собаки на дворе готовы и свежи, как маргаритки. Думаю, что вашему другу, м-сье Дейли, придется немного обождать...

В этот момент дверь с шумом растворилась и на пороге появилась фигура в полной форме провинциального полицейского.

— Я не знаю, кто вы, мистер, но я слышал, как вы называли мое имя и потому осмелился, не дожидаясь приглашения, войти. — С винтовкой наготове он пере-

Осмелился, не дожидаясь приглашения, войти

Он не выдал своего страха и волнения. Медленно выпустил колечко дыма и вдохнул его аромат.

— Я сказал вам, что мое имя Белл, — произнес он спокойно.

— Да? А вы думаете Сэди не вспомнил ваш голос? Здесь в глуши, где всегда такая тишина, слух очень обостряется. И мы здесь слышим не так много голосов, чтобы забывать знакомые. И Сэди хорошо помнил вас. Он сказал мне: у этого человека несчастная судьба. Та история, которую он рассказал, кажется мне правдивой. Мы должны дружески отнестись к нему. Больше он ничего не сказал.

У Веллингтона был еще один шанс на спасение — он это знал. Стоило только ему пойти навстречу желаниям женщины, и она будет хранить его тайну. Еще не поздно было вернуть ее чувство — это он знал. Знал также, что в противном случае она выдаст его полицейскому.

водил глаза с мужчины на женщину, стараясь найти разъяснение.

Женщина заговорила первой.

— О, м-сье Дейли! — воскликнула она с пылом. — Я так рада, что вы вошли. Этот человек, — и она указала драматическим жестом на Веллингтона, — очень скверный, он убил Сэди, а кроме того он тот самый Веллингтон, которого так давно разыскивает полиция. Дейли с удивлением посмотрел на своего пленника.

— Итак, вы Веллингтон? Нельзя сказать, чтобы вы походили на свой портрет. Кто это вас так разукрасил?

— Собака! — произнес Веллингтон странным металлическим голосом. — Положим, что я — Веллингтон, но я не убивал Сэди. — В коротких словах с теми же самыми подробностями, все тем же чужим голосом он описал происшедшее.

Как каменная, с застывшим яростным, презрительным взглядом, Жанетта слушала его. И когда он кончил, полицейский подошел к скамейке и внимательно осмотрел убитого.

— Я думаю, Жанетта, что вы ошибаетесь, полагая, что беднягу Сэди убил Веллингтон. Судя по тому, как вошла и вышла пуля и как обожжена кожа, дело было, повидимому, так, как он рассказывает.

Жанетта на мгновение побледнела, но затем злобно-торжествующая улыбка разлилась по ее лицу.

— Но, несмотря на это, он все же Веллингтон! — воскликнула она — И он пойдет вместе с вами... в тюрьму...

Дейли удивленно взглянул на женщину и усмехнулся.

— Ну, здесь на месте я вряд ли в этом разберусь. Вот, если Веллингтон отправится вместе со мной, он сможет, если пожелает, выяснить все. Дело в том, что его друзья не поверили, что он убийца. Долго хлопотали, подняли дело и заставили мужа этой лэди сознаться. Он сделал это из ревности, как я слышал. Этот слух дошел до нас с месяц тому назад, но нам не удалось за это время увидеть вас.

В Жанетте полностью сказалось ее французское происхождение: еще за минуту перед этим она в ярости выплевывала злобные слова, теперь же, с свойственной ее натуре непоследовательностью, бросилась на колени перед телом мужа и разразилась громкими рыданиями.

Казалось, целые десятки лет свалились с плеч Веллингтона, когда слова Дейли дошли до его сознания. Складки вокруг его рта разгладились и жестокость глаз смягчилась. Он медленно полез в боковой карман, и достал потрепанную пачку. Единственную папиросу, что оставалась там, он предложил Дейли. Полицейский с видимым удовольствием взглянул на этикетку тонкого, дорогого сорта и с улыбкой покачал головой.

— Никогда нельзя брать у человека последнюю папироску, — сказал он.

Веллингтон рассмеялся веселым искренним приятным смехом.

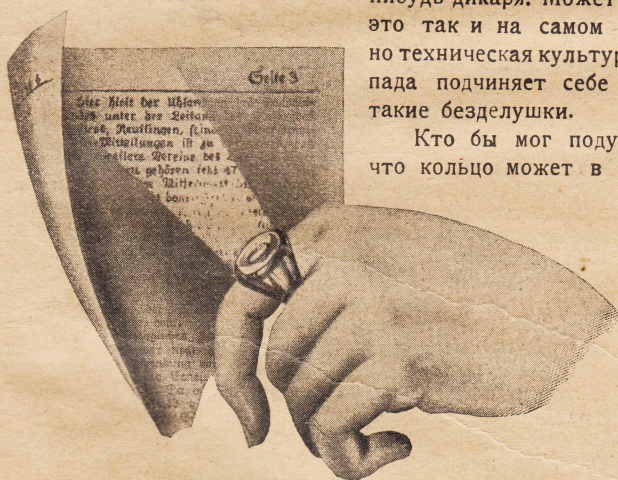
— На этот раз вы сделаете исключение, — ответил он. — Я на пути туда, где их можно получить сколько угодно.

ЭЛЕКТРОТЕХНИКА В КОЛЬЦЕ

Речь идет о самом обыкновенном кольце, которое мы носим на своей руке. Некоторые думают, что кольцо на пальцах европейца столь же бесцельно, как и кольцо в ноздрях или ушах какого-нибудь дикаря. Может быть это так и на самом деле, но техническая культура Запада подчиняет себе даже такие безделушки.

Кто бы мог подумать, что кольцо может в неко-

видно на нашем рисунке. В ней камень заменен лампочкой накаливания, за которой помещена еще батарея. Понятно, что такая лампочка не может дать яркого и продолжительного света, но она очень удобна тем, кто

торых случаях принести существенную пользу человеку, то самое кольцо, которое является пережитком и наследством диких времен и обычаев. И оказывается, что это так. Напр., кольцо часто служит печаткой, а один ловкий часовщик ухитрился вдевать в кольцо и крошечные часики. Впрочем, обладатель таких часов особенно им не радовался: они были слишком малы, чтобы ходить правильно, и вдобавок часто портились.

В настоящее время за кольцо принялись электромеханики. Наиболее разумным здесь изобретателем является тот, кто сделал из кольца миниатюрную лампочку, как это

в буквальном смысле слова всегда у нас под рукой и может оказать нам добрую услугу, напр., при поисках замочной скважины, при беглом чтении нескольких строк, а также и в ночную пору когда нам приходится шарить по столу в поисках хотя бы спички или папироски.

А теперь умудрились кольцо превратить в радиоприемник, как это показывает наш второй рисунок. Конечно, такое применение кольца можно рассматривать, как указание или намек на то, быть-может, недалекое время, когда каждый из нас будет одновременно и принимать радио-волны и отсылать их. Ведь сколько чисто фантастически выдумок стало уже на наших глазах действительностью!

ВЕЛИКИЕ ПЕРЕЛЕТЫ 1926 ГОДА.

25 лет тому назад самая мысль о возможности летания на аппаратах тяжелее воздуха вызвала сомнение и ироническую улыбку. 25 лет тому назад лишь немногочисленная группа людей, полная веры в победу человека над воздухом, трудилась над созданием аэроплана и уже предвидела то, что в настоящее время из фантазии превратилось в действительность.

Аэроплан настоящего — это «ковер-самолет» прошлого, переносающий мечтателя из страны в страну, подобно тому, как это описывается в арабских сказках «Тысячи и одной ночи». Только теперь этот мечтатель превратился в авиатора, а воображение, которое носило мечтателя по сказочным странам, воплотилось в аэропланы, в «стальную птицу», способную пожирать пространство и время. Вылететь рано утром из Парижа, днем пронестись над всей Европой, вечером увидеть Константинополь, ночь провести на аэроплане, со страшной скоростью (185 км в час) несущемся над Малой Азией, чтобы утром следующего дня при первых лучах восходящего солнца очутиться в стране чудес, на берегу Персидского залива — разве это не сказка наших дней? Между тем, такие перелеты, поражающие нас своей грандиозностью, не только возможны, но не представляют собой в настоящее время даже особой редкости.

Первое изумительное по своей длине путешествие по воздуху было совершено еще в 1923 году американскими летчиками Макреди и Келли, перелетевшими на аэроплане из Нью-Йорка в Сан-Франциско, т.е. через весь континент Северной Америки. Расстояние, равное приблизительно 3.800 км, было покрыто ими в 26 час. 50 мин. безостановочного перелета. За два последних года техника авиации далеко шагнула вперед. То, что было трудно осуществимо в 1923 году, оказалось легко осуществимым в 1926 году. Стоило только пожелать, стоило только французскому правительству назначить призы за побитие мирового рекорда, поставленного американскими летчиками, чтобы нашлись люди и аппараты, способные повторить в еще большем масштабе тот же самый подвиг.

Первыми начали бр. Аррашар, знаменитые французские летчики, известные по своим многочисленным дальним перелетам. Рано утром 26 июня братья Аррашар заняли места на военном двухместном аэроплане, завели 550-сильный мотор и снялись с парижского аэродрома Бурже, направив свой путь в Малую Азию. Аэроплан был настолько перегружен горючим, что с трудом оторвался от земли. В начале под проливным дождем он летел очень низко над землей. Затем, по мере того, как количество бензина уменьшалось, аэроплан становился легче и высота полета его увеличивалась. Днем летчики пронесли над Западной

Европой, а к вечеру они были над Константинополем. Ночью при перелете через Малую Азию лопнул трубопровод и горючее из баков стало вытекать наружу. Кое-как повреждение было исправлено, но с этого момента одному из братьев Аррашар пришлось накачивать горючее при помощи ручного насоса. Работа эта стоила героических усилий, так как в течение целых 10 часов ему необходимо было повторять один и тот же ритмический жест, несмотря на страшную усталость, овладевшую летчиками под конец путешествия. Утром, когда уже совсем рассвело, с высоты в 3.000 метров открылись воды Персидского залива и вскоре аэроплан сделал посадку на аэродроме в Бассре. Смело задуманный план был выполнен: братья Аррашар покрыли расстояние между Парижем и Бассрой, равное 4.300 км, в 26 ч. 30 м. безостановочного полета,

БЕЗОСТАНОВОЧНЫЕ ПЕРЕЛЕТЫ

ПАРИЖ-БАСРА - 4300 км.

Бр. АРРАШАР 26-VI-26 г.

ПАРИЖ-ОМСК - 4700 км.

ЖЕРЬЕ и ДОРДИЛЬИ 14-VII-26 г.

ПАРИЖ-БЕНДЕР-АББАС - 5200 км.

ШАЛЬ и ВЕЙСЕР 24-VIII-26 г.

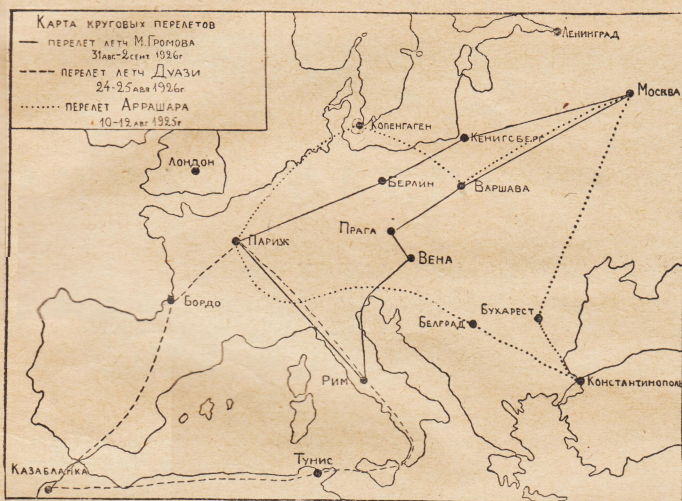
установив тем самым новый мировой рекорд дальности перелета по прямой. Высокое совершенство, достигнутое в моторостроении, дало возможность довести этот замечательный перелет до благополучного конца. Остановись мотор, произойди какая-нибудь поломка ночью, им пришлось бы опуститься на землю, совершенно ее не видя, может быть, на деревья, на горы, что грозило бы неминуемой гибелью. Однако, надежда на мотор была непоколебима. Помимо уверенности в полете, летчики должны были обладать еще стальными нервами, чтобы совершить столь грандиозный перелет по пути, совершенно не подготовленному для воздушных путешествий. Здесь не было ни маяков, ни посадочных площадок, ни «гостеприимных постоянных дворов, подвешенных под небеса», как писала одна американская газета. Десять часов они должны были вести свой аэроплан сквозь тьму ночи, 26 часов подряд они должны были напрягать свои нервы, ибо работа пилота требует всегда большого напряжения.

Едва успела затихнуть сенсация, вызванная этим подвигом во всем мире, как французскими летчиками было совершено еще несколько безостановочных перелетов, на дальние расстояния. Капитан Жирье и лейтенант Дордильи, вылетев 14 июля из Парижа, на следующий день опускаются в Омске (Сибирь), покрывая расстояние в 4.700 км за 29 часов непрерывного полета. Лейтенант Шаль и кап. Вейсер 31-го августа перелетают из Парижа в Бендер-Аббас, город, лежащий на берегу Персидского залива, немного южнее Бассры. Громадное расстояние в 5.212 км ими покрывается в 28 часов безостановочного полета. Наконец, 28 октября, летчик Кост и кап. Ринво в течение 32 часов совершают перелет из Парижа в Яск (Персия), покрывая, таким образом, без остановки расстояние в 5.425 км.

Близится время, когда такие перелеты будут иметь не только спортивное значение, но сделаются более или менее

повседневными. Тогда «ковры-самолеты» будут переносить пассажиров из одной страны в другую, словно по мановению волшебной палочки, побирая расстояния, еще не так давно казавшиеся недосягаемыми.

Способность современного аэроплана покрывать огромные пространства настолько велика, что за короткий промежуток времени человек может облететь целый ряд стран, в течение одного дня посетить несколько городов, позавтракать в столице одного государства, пообедать в столице другого, поужинать в столице третьего и т. д. чтобы через 2—3 дня возвратиться к себе домой. Серию подобных круговых перелетов открыл известный уже нам летчик Аррашар в августе прошлого года. Вместе с механиком Кароллем на двухместном военном аэроплане он вылетел из Парижа в круговой облет Европы. Побывав в Бел-

граде, Константинополе, Бухаресте, Москве, Варшаве и Копенгагене, Аррашар вернулся в Париж через 65 часов после начала своего путешествия, покрыв расстояние в 7.400 км менее, чем в трое суток. Ни одно средство передвижения не было бы в состоянии дать такой скорости. Ровно через год точно такой же облет Европы предпринимает советский летчик М. Громов.

«Воздушная прогулка» М. Громова над Европой — одна из блестящих страниц истории советской авиации. Все происходит как в калейдоскопе. Рано утром 31-го августа, еще до восхода солнца, он в сопровождении механика Родзевица вылетает из Москвы на аэроплане советской конструкции. В 9 ч. 15 мин. утра, по московскому времени, пройдя без всяких приключений расстояние в 1.084 км, летчик опускается на Кенигсбергском аэродроме. Короткая остановка на 1 ч. 15 мин. для пополнения горючего и для легкого завтрака... Затем отлет на Берлин... В Берлине остановка на два часа для участия в банкете... К вечеру того же дня советский аэроплан был уже в Париже. На следующий день, послетрех часов сна, летчик при накрапывающем дожде вылетел в Рим. Перелет через Альпы на высоте 3.700 м. Горные вершины, покрытые вечным снегом, ущелья, скрытые от взоров летчика морем облаков, затем воды Генуэзского залива и, наконец, столица Италии — Рим... Короткая остановка в Риме... Необходимо торопиться, чтобы до наступления ночи попасть в Вену. Еще засветло аэроплан пролетает над Аппенинами, Венецией и Тирольскими Альпами. За 50 км до Вены солнце прячется за макушками гор. Внизу совершенно темно. Через 10 минут показывается освещенная Вена и советский аэроплан впотмах на-ощупь опускается на Венский аэродром. Короткий сон в течение 4 часов... Утро следующего дня застает летчика уже в пути по направлению домой, к Москве. Скоро Прага остается далеко позади... Аэроплан летит низко, чтобы выиграть время... Порой вершины холмов чуть не касаются колес аэроплана... Короткая остановка в Варшаве и к вечеру многочисленная толпа встречает на центральном московском

аэродроме советского летчика, совершившего замечательную «воздушную прогулку» над Европой и покрывшего 7.100 км в течение менее чем трех суток (63 часа).

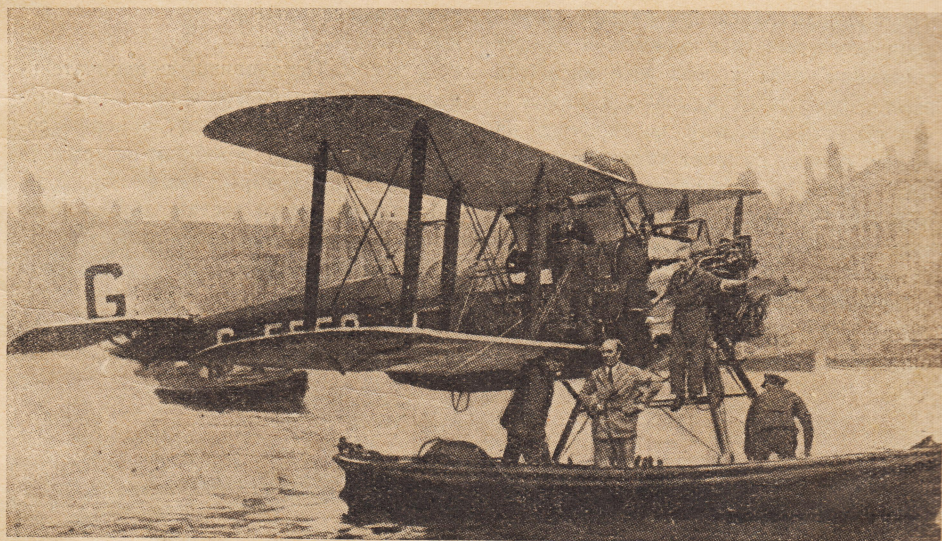
За неделю перед этим французский летчик Дуази и инженер Гонен выполняют также исключительное по своей быстроте путешествие. Вылетев из Парижа 24-го августа на двухместном аэроплане, они направляются по маршруту Париж — Рим — Тунис — Касабланка — Бордо — Париж, сделав все путешествие вдоль берега Средиземного моря, общей длиной в 6.500 км, менее чем в двое суток (41 ч. 40 мин.). То же путешествие, но совершенное на наиболее быстрых поездах и пароходах, заняло бы не менее 10 суток.

Наконец, о самых дальних перелетах: сесть на аэроплан и облететь вокруг света — давнишняя мечта человека. Впервые она была осуществлена американскими летчиками, правда, с громадным трудом, но облетевшими в 1924 году кругом света на аэроплане. Чтобы покрыть 44.320 километров, им потребовалось тогда 157 дней, а средняя суточная скорость путешествия равнялась 228 км. С тех пор было совершено много больших, замечательных по своей длине путешествий по воздуху, предпринятых людьми с самыми разнообразными целями.

В 1925 году экспедиция из 6 советских аэропланов совершила замечательный перелет из Москвы в Пекин, по совершенно неисследованному воздушному пути, проходящему частью над Сибирью, с ее суровым климатом, тайгой, высокими горами с обширными степями, частью над Монголией с ее знойной и дикой пустыней Гоби, а частью над Китаем. Героических усилий стоила эта экспедиция, но, несмотря на громадные трудности, была доведена до благополучного конца, выполнив задачу укрепления дружеских отношений с Китаем и обследовав путь, по которому впоследствии должна быть установлена воздушная связь между Европой и Азией. По проторенной советской экспедицией дороге в следующем 1926 году был совершен целый ряд перелетов иностранными летчиками: японскими летчиками, поляком Орлинским (Варшава — Токио и обратно), датчанином Ботведом (Копенгаген — Токио и обратно) и, наконец, французом Дуази, перелетевшим из Парижа в Пекин через Москву и покрывшим все расстояние в 11.300 км в 7 суток, со средней суточной скоростью в 1.616 км.

В марте 1926 года закончился интересный перелет английского летчика Алана Кобхема из Лондона через всю Африку в город Капштадт и обратно. Целью этого перелета было обследовать воздушный путь, по которому должна пройти в будущем новая английская аэролиния. Кобхем в сопровождении механика и кино-оператора вылетел из Лондона на 4-местном пассажирском аэроплане 16-го ноября 1925 года и закончил свое путешествие прибытием обратно в Лондон 13 марта 1926 года. Расстояние в 26.000 км было покрыто в 118 дней со средней суточной скоростью в 220 км.

В июне Алан Кобхем предпринял другой столь же интересный перелет из Лондона в Австралию (Мельбурн) и обратно в Лондон, общей длиной в 45.500 км. На этот раз он летел на двухместном гидро-аэроплане в сопровожде-

Алан Кобхем (в светлом сером костюме) снят сразу после своей посадки на р. Темзе, перед зданием Парламента, когда он закончил свой перелет Лондон — Австралия — Лондон.

нии своего механика Эллиота. Отлет из Лондона состоялся 30-го июня. Благополучно летчики миновали Неаполь, Афины, Багдад, но 4-го июля на участке Багдад — Бушир Кобхема постигла тяжелая утрата: выстрелом из ружья, произведенным с земли каким-то неизвестным арабом, был убит товарищ Кобхема, механик Эллиот. Несчастье произошло вблизи озера Хаммар, в 200 км от Бассры. Из-за песчаной бури летчику пришлось снизиться и лететь низко над землей. Неожиданно раздался звук как бы от выстрела. Через минуту Кобхем получает записку, переданную ему Эллиотом. В этой записке было: «Вероятно лопнул бензиновый провод и осколки его мне попали в руку и в бок. Я истекаю кровью». Лишь час спустя Кобхем смог сделать вынужденную посадку в Бассре. Когда Эллиоту была подана первая помощь, у него была обнаружена огнестрельная рана; оказалось, что пуля пробила ему руку, прошла в бок

и застряла в легких. Через несколько часов раненый умер.

Эта драма задержала на несколько дней Кобхема, а потому он попал в Индию в период муссонов (сильные осенние ветры), что заставило его на некоторое время прервать путешествие. Начиная с Бирмы (северо-восток Индии), погода стала вновь благоприятствовать ему. 5-го августа он был уже в Порт-Дарвине, на северной оконечности Австралии. После целого ряда показательных полетов и целого ряда лекций, прочитанных в местах остановок, Кобхем 4-го сентября вылетел обратно в Лондон, следуя по тому же самому пути. 1-го октября отважный летчик, без особых приключений, добрался до Лондона и опустился на реке Темзе перед английским парламентом, приветствуемый тысячной толпой народа.

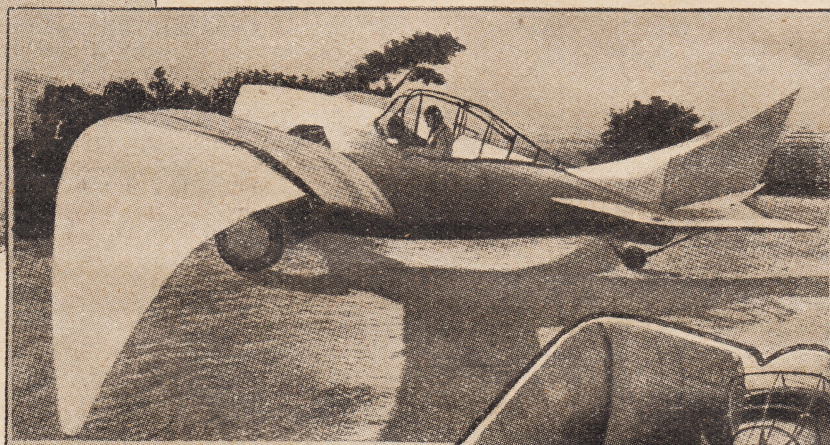
Таковы великие перелеты 1926 года.

НОВЫЙ АЭРОПЛАН - ЧАЙКА

Долгое изучение длиннокрылых птиц, чтобы открыть тайну быстрого полета.

Л. В. Бонней, изобретатель похожего на морскую чайку аэроплана, держит над головой чучело этой птицы, послужившей ему моделью. Он ловил и осматривал множество птиц, прежде чем остановился на данном экземпляре, как идеальном по своим пропорциям.

Изобретатель в своем еще незаконченном аэроплане. Внизу показана та же машина со сложенными крыльями. Это приспособление дает возможность аэроплану сниться на небольшом участке и помещаться затем в обычный гараж.

НОВЫЙ тип похожего на морскую чайку самолета сконструирован недавно известным американским авиатором, Л. Боннеем. Крылья его самолета могут складываться при нажиме гидравлического рычага в кабине. В момент снижения, когда колеса уже касаются земли, крылья откидываются назад и вся тяжесть самолета переносится на шасси, почему самолет успевает пробежать до своей остановки всего лишь несколько шагов. Понятно, что для посадки такого самолета совершенно не нужно большой площади.

Первые авиационные опыты этого изобретателя относятся к 1910 году, когда он учился у знаменитого О. Райта. В

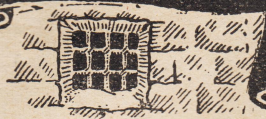
течении двух лет он изучал полет птиц, убежденный в том, что авиации придется свои секреты выпытывать именно у птицы. Остановившись окончательно на морской чайке, он принялся во множестве ловить эту птицу, измеряя соотношения между размахом ее крыльев и весом груза, который она может нести. Наш изобретатель остановился, наконец, на одном экземпляре, который он всесторонне изучил в качестве модели своего самолета.

Когда летчик спускается на этом аэроплане и свертывает крылья, то вся

эта машина не только быстро останавливается, но и может уместиться в обычном гараже. Во время полета аппарат сохраняет свое равновесие и управляется с помощью передвижных крыльев. Запас горючего помещается в передней части фюзеляжа, прямо под пропеллером. Кабина же напоминает собой внутренность автомобиля для двух человек,

ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО

МИНИСТРЫ — ОТРАВИТЕЛИ.

(Четыре сцены).

Угол Фонарного переулка и Екатерининского (ныне Грибоедовского) канала в Ленинграде — место очень пустынное. Изредка перебежит торопливый прохожий и сейчас же свертывает с набережной или к Театральной площади или к Вознесенскому проспекту.

Двадцать лет назад, 14 (27) октября 1906 г., по набережной канала прогуливалось несколько молодых людей, иногда переходя к домам на тротуар. Некоторые из них забегали погреться в угловую пивную. Посторонний наблюдатель мог бы заметить, что эти люди чего-то ждали. И в самом деле, около 2 ч. дня по набережной от площади к проспекту показалась окруженная казачьим разездом, закрытая карета, в которой казначей портовой таможни вез 600 тыс. рублей для сдачи в государственный банк. На углу Фонарного переулка ожидавшие молодые люди подбежали к карете и бросили в нее и в конвой одну за другой несколько бомб.

Страшный взрыв потряс воздух. Вылетели все стекла и даже две рамы в домах по обе стороны канала, сорвало и исковеркало дверь и вывеску угловой пивной. Между нападавшими и уцелевшими казаками завязалась перестрелка, а в это время из кареты было схвачено 400 тыс. руб. и сейчас же увезено неизвестной дамой под вуалью, подъехавшей в коляске к месту взрыва.

С запозданием подоспела полиция и жандармы. Всего погибло на набережной с обеих сторон 15 человек, 10 человек раненых схвачено на месте. Они преданы военному суду и вскоре повешены. Остальные скрылись.

Боевая дружина партии максималистов произвела экспроприацию денег царского правительства на революционные нужды.

По чисто вымытым улицам шведской столицы Стокгольма скитается маленький черненький человек в потрепанном платье. Это — русский подданный Янкель Черняк, участник дела в Фонарном переулке, бежавший за границу от царской полиции. Его укрывают шведские рабочие-социалисты, он мечтает о возвращении в Россию, о продолжении революционной борьбы. Но российские ищейки выследили революционера и здесь. Российский генеральный консул предъявил шведской полиции требование об аресте Черняка и выдаче его России, как коммуниста, обвинявшегося в убийствах и грабеже. Черняк не был коммунистом, но царские слуги так называли всех революционеров, находя, что такое название звучит страшнее для всех буржуазных правительств. Не был Черняк и уголовным преступником, но надо было представить его таким, иначе шведское правительство отказало бы в выдаче политического эмигранта. Черняк был арестован все же 1 декабря 1906 года. Завязались переговоры.

Шведские друзья-революционеры тоже не дремали. Они опубликовали в газетах, что готовится выдача русскому царю беглеца-революционера и поставили вопрос в шведском парламенте. Вступились известный швед-

ский критик Брандес, во Франции знаменитый писатель Анатоль Франс и великий оратор-социалист Жан Жорес, горячо отстаивавшие неприкосновенность политических беглецов из России.

Волей-неволей шведскому правительству пришлось заявить консулу, что оно выдаст Черняка только на условиях: 1) судить его обыкновенным судом, а не военным, 2) судить только по обвинению в тех деяниях, за которые требуется выдача, а не за его политические взгляды, 3) по отбытии наказания выслать его за границу.

Гордое своим надутым могуществом царское правительство отвергло все условия и требовало безотговорочной выдачи Черняка. Шведское правительство отказало, но не желая ссориться с соседом, приказало Черняку немедленно покинуть Швецию.

Черняк достал у своих шведских друзей чей-то паспорт и решил уехать в Англию, чтобы скрыться под чужим именем от шпионов.

Каюта большого океанского парохода «Олаф Вик», идущего из шведского порта Готтенбурга в Антверпен. 10 февраля 1907 года, вечером, четыре пассажира укладываются спать: финляндский лесопромышленник Леман (Черняк), шведские инженеры Эрикссон и Агансон, француз-коммивояжер Рюгер. Потушили лишний огонь, заснули. Немного погодя, дверь каюты осторожно открывается, входит какой-то закутанный человек и, бесшумно рассыпав по полу и мебели белый порошок, так же тихо выходит.

На утро прислуга обнаруживает трупы всех четырех пассажиров. Ведется следствие, судовой врач произвел анализы остатков пищи, питьевой воды, спичек, но исследование трупов показало, что яд проник в организмы не через пищевод, а через дыхательные пути. В каюте чувствовался сильный чесночный запах, на стульях и на полу обнаружены следы мышьяка. Возникло подозрение, что здесь совершено преступление, но найти виновников не удалось и дело заглохло.

Уже после Октябрьской Революции в секретных делах бывшего департамента полиции найдена переписка, где министр внутренних дел Столыпин, министр иностранных дел Извольский и министр юстиции Щегловитов в феврале-марте 1907 года соглашались между собой «представить агента охранного отделения мещанина Андрея Васильева Викторова, оказавшего услугу государству уничтожением важного преступника партии анархистов-коммунистов Я. Черняка, к награждению званием личного почетного гражданина и 3.000 руб. деньгами».

О деле было лично доложено царю Николаю II, который распорядился немедленно представить Викторова к награде.

Так расправлялся царь и его министры со своими врагами.

А. ЧЕРНОВСКИЙ.

Дчерк К. К.

Что такое «бриллиантовый бег»?

В южной Африке некоторые россыпи бриллиантов, обычно смешанных с песком и гравием, залегают на поверхности долин Оранжевой реки и реки Вааль. Здесь, на предполагаемых «бриллиантовых полях», постоянно копошатся всевозможные искатели. Но большие новые находки могут нарушить равновесие цен в местной торговле бриллиантами, а потому правительство принимает предохранительные меры в интересах капиталистов и крупных собственников россыпей; время от времени оно объявляет известные пространства земли «бриллиантовыми полями» и назначает всем желающим захватить мелкие участки такого поля определенный день.

Эта новость тотчас же облетает всех дельцов в городских кварталах, жадно выслушивается бездомными бродягами в ночлежных домах и разжигает воображение студентов местных колледжей. Она разносится среди моряков, зашедших в африканские порты, среди приказчиков городских магазинов, среди закоренелых искателей, людей белой расы и черных кафров. Многие из них, захватив с собой заявочные колья, бросают свои дела и направляются к бриллиантовому полю. Прежде всего они должны уплатить один доллар входной платы и запастись правительственным удостоверением на право выкапывать бриллианты. Эти формальности ставятся для того, чтобы отвести от состязания всяких жуликов и тайных скупщиков бриллиантов.

Пестрая толпа участников начинает прибывать на место задолго до дня бегов. Голландские фермеры со своими семьями приезжают в больших фургонах, доверху нагруженных домашним скарбом. Бродяги приходят с небольшими мешками на спине, в которых заключается все их скудное имущество. Дороги на много миль кругом запружены автомобилями, верховыми лошадьми, телегами с упряжкой быков, велосипедами и пешеходами. Собравшиеся искатели целыми днями, с рассвета и до глубоких сумерек жадно исследуют нарезанные участки поля, облюбовывая себе наиболее, по их мнению, богатый россыпями. К нему они намерены мчаться, сломя голову, во время бега.

Наступает день состязания. За чертой, проведенной за две мили от «поля» и иногда до 10 миль в ширину, выстраивается толпа бегунов с заявочными кольями в одной руке и правительственным удостоверением в другой. В ее рядах много спортсменов и профессиональных бегунов, а иной раз даже и чемпион спортивной Олимпиады. Этим специалистам «бегунов» часто выставляют за себя капиталисты или синдикаты; ведь в предстоящем беге выиграют самые быстрые.

Все глаза устремлены на флаг, поднятый на бамбуковом шесте. Все уши ждут звука пистолетного выстрела.

Наконец, в полдень флаг падает и раздается пистолетный выстрел. Тысячи человек огромной волной хлынули через заветную черту и пустились в двухмильный бег к бриллиантовому полю. От топота ног гудит земля, головы бегущих заволакиваются густыми облаками пыли. Домчавшиеся первыми занимают участки по своему выбору, оставшие от них напрягают все усилия, чтобы захватить лучшее из того, что осталось. В Трансваале заявочный участок имеет величину 45 квадратных футов, искатели платят за его аренду и эксплуатацию 1 доллар в месяц.

Почти вплотную за бегунами следуют женщины и дети с домашним скарбом в руках и к наступлению ночи вокруг «бриллиантового поля» вырастает обширный лагерь. Лавочники открывают переносные ларьки, бойкие предприниматели зазывают в кабачки или походный кинематограф; город палаток и наскоро сколоченных бараков — готов.

Обычай этих бегов установлен в Южной Африке очень давно, еще во времена находок первых бриллиантов. В 1867 г. один бушменский мальчик-пастух нашел блестящий камешек на песчаной отмели Оранжевой реки и подарил его, как игрушку, детям своего хозяина-голландца. Несколько позже доверчивый кафрский «колдун», соблазненный стадом овец, упряжкой быков и несколькими лошадьми, согласился расстаться со своим самым могущественным талисманом. За этот талисман-бриллиант, известный под названием «Звезда Африки», один из английских лордов впоследствии заплатил 25 тысяч фунтов. И, наконец, когда ребенок одного голландского фермера, играя, выковырял из размокшей штукатурки отцовского дома облепленный грязью бриллиант, тогда всех в окрестности охватила настоящая «бриллиантовая лихорадка». Целые семьи пустились в поиски драгоценных камней, а к ним присоединился вскоре ряд пришельцев издалека. Чтобы оградить свои земли от беспорядочных толп, владелец фермы решил сдать в аренду всем желающим 30-футовые участки. День их распределения ознаменовался бешеными усилиями собравшихся искателей захватить наилучшие участки. Подстрекаемые алчностью, они со всех ног бросились к заветному месту. Заявочные метки делались при помощи камней, палок, костей и всего, что было под руками. Во время происшедшей свалки были пущены в ход револьверы.

Так было положено начало «бриллиантовым бегам» в Южной Африке. На эту приманку до сих пор стекаются со всего света люди, мечтающие о легком и быстром обогащении. Большинство из них — «людские отбросы» различных городов и стран мира. Чаще всего их ждет горькое разочарование: расчет руководимых капиталистами властей безошибочно верен: только два процента искателей делают действительно стоящие находки. Обладатель найденного камня устраивает его «крестины», т. е. грандиозную попойку, на которой обычно пропиваются все вырученные от продажи камня деньги. А бриллиант попадает, конечно, в руки скупщиков.

ГОРОД ЖИРНЫХ ВЕТРОВ

Очерк спец. корр. «Вокруг света» о новом Баку.

Времена, когда рыцари в стальных кольчугах скрещивали тяжелые мечи во имя блестящего металла-золота — далекая сказка средневековья. Теперь благородный металл, украшающий женщину и теоретически обеспечивающий все банкноты мира, уступил дорогу жидкому золоту. Нефть в наш век — золотая сказочная Индия, за призраком которой гнались на пиратских судах отважные мореплаватели и искатели приключений XV и XVI веков, пока не набрали на страну, где жидкое золото превзошло своей чудодейственной силой все сокровища Индии. Через несколько веков нефть Пенсильвании затвердела в карманах Рокфеллеров и сейфах Пятой Аvenues¹⁾ тяжелыми пачками настоящего золота...

Во имя нефти хищные звери из джунглей небоскребов еще поведут народы в бой, во имя неразгаданной крови земли еще скрестят свои газовые мечи химические рыцари безумного завтра...

Нефть — священная вода, происхождения которой никто не знает. Но без нефти — нет современного уровня техники. Вы глубоко заблуждаетесь, читатель, если считаете нефтяную промышленность топливной. На топливо идут только «отбросы» нефти, ее наименее ценные части. Однако, нефтяное топливо выгоднее в 3 раза дров и в 2 раза угля.

Но легкие пары нефти, ее душа, — бензин, тот овес, которым кормится «стальная конница», сменившая живых коней. Если сегодня исчезнет бензин, завтра люди перестанут летать, автомобили Лондона, Нью-Йорка, Парижа, станут мертвыми грудями, лишенными души.

Тяжелые пары нефти, охлаждаясь, дают смазочные масла, питающие все машины мира. Машинное масло создает величайший режим экономии в природе, сохраняя уменьшением трения машинные мускулы для полезных действий. Керосин, который в старину называли «фотогеном», родящим свет, — ночное солнце русской деревни и база тракторизации, ибо им питается трактор. Из нефти, отдавшей человеку все свои ценнейшие части, из черного смолоподобного гудрона, с прошлого года делают асфальт, основу городского благоустройства. Нефть — частица мыла, без которого нет цивилизации. Нефть в виде очищенного до прозрачности солярового масла мы едим в виде подливки к вкусным рыбным консервам. Нефть же дает нам популярное лечебное средство — вазелин. Из нефтяных газов можно делать столь нужный современной медицине хлороформ. Нефть участвует в изготовлении красок. Из буровых вод будут извлекать на заводе, который уже строится в Баку, иод, на покупку которого за границей мы тратим ежегодно 20.000.000 рублей.

И еще тысячи вещей делают из этой неразгаданной жидкой крови земли... Ведь никто не знает, как образовалась нефть.

Некоторые ученые думают:

«Нефть — продукт разложения животных далекой геологической эпохи. Мы питаем сотворенные нами стальные птицы жиром их далеких предков».

«Нет, нефть — продукт разложения морских растений» — говорят другие.

Третьи уносятся в небеса, доказывая космическое происхождение нефти.

Но все эти гипотезы считаются мало вероятными. За то с обычной развязной простотой вопрос «разрешает» представитель религии. Варшавский каноникус Клок дает объяснение происхождения нефти, не лишнее остроумия:

— В раю земля была плодородна, жирна и обильна. Но после первородного греха, когда бог рассердился на первого человека Адама, жиры райской земли были, по именному повелению господина, подняты солнцем в небесные резервуары, а отчасти погрузились в землю». Эту сказку об образовании нефти мудрый ксендз заканчивает с помощью мирового потопа.

¹⁾ Улица богачей в Нью-Йорке.

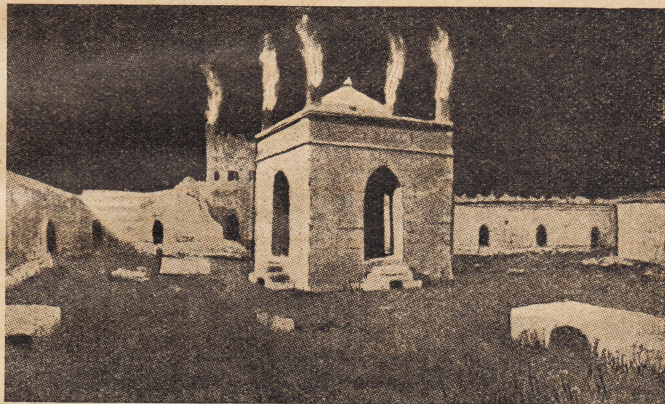
Не менее просто объясняет происхождение нефти некий невежественный нефтепромышленник из Пенсильвании. «Нефть, — говорит «культурный» капиталист, — ни что иное, как... моча китов, которая из полярных морей прошла подземными путями в Пенсильванию».

Второй, после Америки, по богатству нефтяной район, наш Апшеронский полуостров, врезавшийся городом Баку в волны бурного Каспия, цветет в последние годы бурным цветом.

Нефть Апшеронского полуострова была уже известна завоевателю Александру Македонскому, который во время своего похода через Кавказ развлекался тем, что облил мальчика «горящей водой» и зажег. Нефтепродукты, даже по библейским преданиям, потреблялись небезызвестным Ноем, героем сказки «Всемирного потопа», который обмазывал гудроном свой ковчег. То же, уверяют, сделала и мама Моисея с немалой популярной корзиной, в которой будущий вождь израэльтян плавал по Нилу.

Нефтяные газы дали талантливому Зороастре удобный материал для создания религии огнепоклонничества. В различных местах Закавказья, в том числе и Баку, сохранились храмы этой нефтяной религии.

В одном из этих храмов, в Сабунчах, еще несколько десятков лет назад дымился вечный священный огонь, т.е. горели газы, постоянно выделявшиеся из земли. Развалины храма огнепоклонников мне пришлось увидеть и на раскопках Артаксаты, древней столицы Армении. Там сохранилась

Храм огнепоклонников в Сабунчах.

обуглившаяся печь, в которой горел неугасимый огонь. Молящиеся приходили в храм, обращаясь к жрецу с просьбой что-нибудь им предсказать. Когда огонь направлялся в сторону, предвещавшую несчастье, жрец говорил молящемуся, что божество требует жертвы. Верующий приносил плоды, тогда огонь направлялся в благоприятную сторону. Тысячелетия донесли нам в сохранности... обыкновенную вьюшку, при помощи которой жрецы регулировали направление священного огня. Служители и этой религии не были лишены плутовства всех священнослужителей!..

Как же пользовались этой нефтью в различные времена?

Во времена бакинского ханства на север и на юг двигались многочисленные караваны верблюдов, уносивших на своих горбатых спинах бурдюки, наполненные нефтью. Ее пили ревматики и больные цынгой.

Начало мировой борьбе за нефть положил Петр I, приказавший ген. Матюшкину: «Идти к Баке, как наискорее, и тщиться оный город, с помощью божией, конечно достать».

Когда в 1723 г., Баку был взят приступом, Петр приказал «белой нефти тысячу пуд. или сколько возможно прислать».

По персидски Баку значит — город ветров. Свирепые ветры, норды и моряны, хлещут песчаными плетями по лицу, покрывая все пудрой нефтяной копоти.

Еще полон воздух Баку старыми былями. Еще не забыли недавних хозяев, доморощенных Рокфеллеров, строивших роскошные дворцы вдали от нефтяной копоти и раз-

имени Ильича и имени Кирова. Заводский район, в котором готовят керосин, бензин, масла и другие нефтепродукты, перестраивается. Строятся новые заводы. Рождаются новые производства. Старые способы нефтедобычи и нефтепереработки сменяются новыми, более совершенными. Обновляется и совершенствуется сложное и дорогое нефтяное оборудование. Сооружаются новые подъездные пути, новые трубопроводы, по которым течет нефть...

И вместе с тем, меняется облик города, расцветающего на нефтяной своей почве. На пустырях, между районами промыслов и городом, растут, как в сказке, рабочие городки, состоящие из американских коттеджей — красивых домиков с крылечками. Таких домов уже выстроено 400. Рабочие с семьями переезжают в эти новые удобные и культурные жилища, покидая навеки старые глиняные мазанки-казармы.

Звенит новый трамвай, сливший в одно целое заводские окраины с центром. Новая, первая в СССР электрическая железная дорога с прекрасным большим вокзалом в мавританском стиле, каждые 18 минут отвозит в красивых брянских вагонах рабочих в промысловые районы. Строится канализация. Расширяются электростанции.

Цветут новые бульвары, на которых бьют освежающие фонтаны.

Город разрастается, вставив уже 440.000 разноплеменного населения объединенного под пятиконечной звездой социализма... Еще так недавно Баку был аренной жуткой национальной грызней: турки (татары) резали армян, армяне — тюрок. Теперь эта грызня сменилась прочным и длительным миром.

Новый промысел им. т. Кирова.

водивших парки на привозной земле. А сорок тысяч рабов, нефтерабочих, жили в закоптелых землянках у самых промыслов, в грязи и нищете. Они были отделены от разгульного центра города, выросшего вокруг некогда роскошного ханского дворца, прорезающего своими длинными подземными ходами весь город нефтяных туманов.

Новые рабочие поселки (Каменные коттеджи американского типа).

Когда свершилась революция, и дети Черного города победили королей, тогда открылась новая глава в истории Черного золота, зазвучала новая сказка, сегодняшнего дня...

Сегодня Баку строится. Строится лихорадочно быстро. За несколько лет выросли новые нефтяные промыслы,

А с Каспия дует свирепый норд. Он дышит этим земляным жиром, как и море. В Баку море у берегов жирное, со дна выделяются газы и его можно зажечь... Эти жирные ветры принесли Баку большое счастье. В условиях национального мира и всеобщего раскрепощения этот город живет великим девизом: Расцвет.

Мак.

ЗАНЯТЫЕ ФОКУСЫ

ВЫ САМИ ИХ МОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ

ЭТИ любопытные и несложные трюки всегда могут позабавить наших друзей и часто поставить их даже в тупик. Правда, они требуют для своего успешного выполнения некоторой сноровки и терпеливого упражнения, но зато результаты щедро вознаграждают вашу настойчивость.

Летающая шляпа.

Вы можете обыкновенную соломенную шляпу заставить прилипнуть к вашей руке, пролететь в воздухе и внезапно упасть на пол, где ее могут поднять зрители и подвергнуть тщательному осмотру.

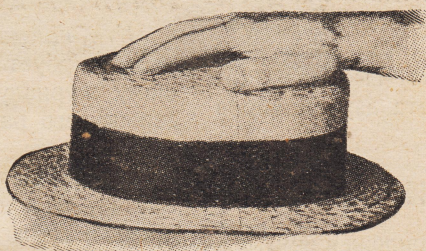
Все дело в шелковой нитке тельного цвета, которая так натягивается на шляпу, чтобы под нее могла поместиться только кисть руки (см. рисунок). Шляпа упадет в тот момент, когда вы сожмете свою руку в кулак и тем разорвете нитку, которую нужно разом подобрать и спрятать.

Вода, превращенная в вино.

Если из молочной бутылки разлить воду в стаканы, то вода может превратиться в вино или остаться водой по вашему желанию.

Приготовьте заблаговременно особый состав из анилиновых красок, воды и чуточки клея. Прилепите этот состав в двух местах широкого горла бутылки. Выливая воду, вы можете по своему желанию окрашивать ее в любой цвет или вовсе не окрашивать. Все зависит от того, как будете держать бутылку.

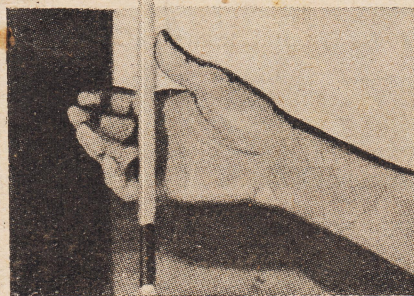
Куда исчезла монета?

ЭТОТ фокус не требует долгих приготовлений. На глазах у зрителей вы берете серебряный полтинник, кладете его на ладонь левой руки, а правой рукой так растираете его, что он в конце концов исчезает. Весь секрет в том, чтобы небольшой кружок картона, по своей окраске подходящий к цвету вашей ладони, прикрепить к тонкой резинке, конец которой вы закалываете булавкой внутри рукава. Одна сторона кружка покрывается клеем, к которому и прикрепляется монета, когда вы начинаете жать ее и тереть; в итоге она вместе с резинкой проскальзывает в рукав.

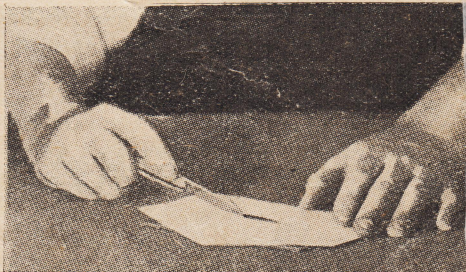
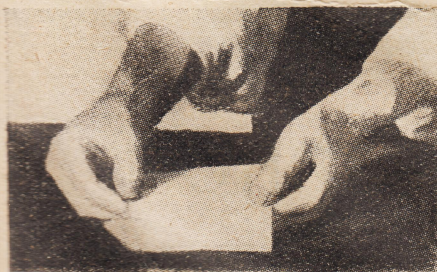
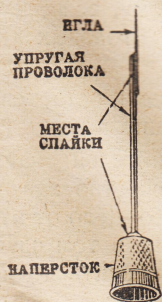
Кланяющаяся сигара.

МОЖНО любую сигару заставить кланяться и даже танцевать. Левый рисунок объясняет, как это можно сделать. На палец одевается наперсток, а конец иглы проходит сквозь шляпу и держит наколотую на него сигару.

Двигающаяся трубка.

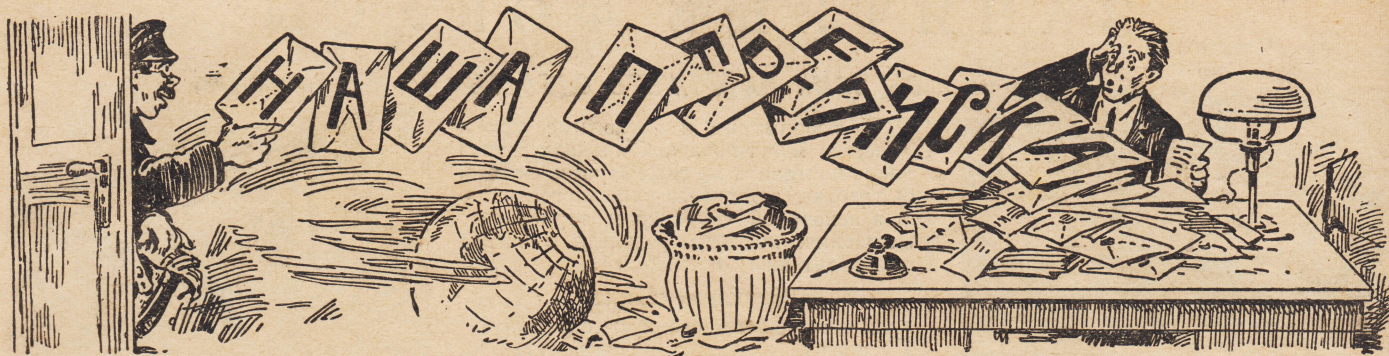
РИСУНОК направо объясняет, как трубка из картона или папки может самопроизвольно опускаться или подниматься на ладони руки. С помощью обвязанной вокруг мизинца нитки трубка подымается, когда опускается помещенный внутри нее свинцовый груз, привязанный к нитке.

Угадывание чужих мыслей.

ПРЕДЛОЖИВ зрителю написать на записке свой вопрос, вы кладете полученную записку в конверт и, не глядя (рис. слева), ее запечатываете и освещаете спичкой. Записку зритель может лишь видеть, но не прочесть, когда вы зажженной спичкой освещаете конверт сзади. Тем не менее вы

передаете содержание записки. В середине конверта делается разрез (рис. справа) и вы вставляете в него пустую записку. Записка же зрителя через тот же вырез попадает в вашу руку (рис. средний). Пока все следят за горением спички, вы прочитываете вопрос.

Всем нашим читателям!

В ответ на многочисленные и разнообразные вопросы наших читателей, мы даем следующие дополнительные разъяснения.

I. О ПОДПИСКЕ.

Подписка на «Вокруг Света» с приложениями и без приложений) принимается на срок от *трех месяцев и выше*. Подписка на один месяц временно снимается по техническим соображениям в связи с опозданием выхода.

Всякому новому подписчику будут высланы, конечно, все вышедшие номера из расчета двух номеров в месяц.

II. О ПРИЛОЖЕНИЯХ.

Все трехмесячные подписчики с приложениями получают 3 книги: «По суше, морю и воздуху», а также 1 книгу: «Велосипед». (Устройство, езда, уход).

Полугодовые подписчики получают добавочно 2 книги: А. Конан-Дойль «Страна туманов», 1 книгу: «По суше, морю и воздуху» и 1 книгу: «Современная Англия».

Годовые подписчики получают дополнительно 2 книги: «По суше, морю и воздуху», 2 книги: Т. Бريدжес «Книга открытий», 4 книги: М. Твэн «Приключения Тома» и «Приключения Финна», 1 книгу: «Побеги революционеров».

III. О ПРЕМИЯХ.

В связи с опозданием в выходе журнала первый розыгрыш всех премий, указанных на 3-й странице обложки, переносится на середину апреля.

Всем имеющим право принять в нем участие будут вместе с журналом разосланы особые билеты, с указанием определенного номера на каждом билете. Эти билеты будут разосланы (особой приклейкой) в *четвертом номере* журнала.

Кто поедет в Крым, на Кавказ или Урал? — Те, кто завербует наибольшее количество подписчиков нашему журналу, кто окажет самую энергичную поддержку его распространению. Учет такой поддержки очень прост: если вы занялись (на фабрике, в школе или среди своих знакомых) распространением «Вокруг Света», то просите всякого завербованного вами подписчика ссылаться на вас, указывать вашу фамилию (напр.: «Прошу эту подписку занести на фамилию А. Н. Иванова в городе Казани»)

Предположим, что этот взятый для примера А. Н. Иванов из Казани завербует 40 подписчиков на трехмесячный срок, 20 подписчиков на полгода и 10 годовых подписчиков, тогда вся его работа дает в общем итоге 30 годовых подписчиков. А потому, если, напр., в Киеве Н. Г. Коваленко соберет 31 годовых подписчиков, то поездка за ним.

Право выбора той или иной поездки остается за собравшим наибольшее количество подписчиков.

Возможно, что таких распространителей нашего журнала окажется немного, да и количество завербованных ими подписчиков также невелико. Дело от этого не изменится. Поездки будут даны даже в том случае, если самому энергичному удастся завербовать хотя бы 10 полных, т.е. годовых подписчиков.

Внимахию подписчиков!

Со следующим третьим номером журнала всем трехмесячным полугодовым и годовым подписчикам высылаются наше первое приложение, за которым последуют остальные:

Г. У Э Л Л С

РАССКАЗЫ О НЕОБЫЧАЙНОМ

(БОЛЕЕ 30 ИЛЛЮСТРАЦИЙ!)

Содержание следующего № 3 дано на стр. 7.

О ПРЕМИЯХ К ЖУРНАЛУ

„ВОКРУГ СВЕТА“

Все подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, полавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмонэ.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	

3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

Мы хотим теснее связаться с нашим читателем и одним из средств к этому сближению считаем и наши в большинстве спортивные премии.

Много говорить об этих премиях мы не будем, они сами говорят за себя. Сделаем лишь несколько к ним пояснений.

1. Когда будут разыгрываться премии?

Отвечаем: 15-го апреля, 15-го июля и 15-го октября.

2. Какие будут разыгрываться премии?

Отвечаем: 15-го АПРЕЛЯ будут разыграны: 1 радио-аппарат, 1 фотогр. аппарат, 2 велосипеда, 5 самопишущих перьев, 6 пар буц, 6 футб. мячей, 15 рыбол. наборов, 30 перочинных ножей.

15-го ИЮЛЯ — те же премии.

15-го ОКТЯБРЯ — все остальные.

3. Кто участвует в розыгрыше премий?

Отвечаем: в первом розыгрыше участвуют годовые и полугодовые подписчики (без приложений) и трехмесячные (с приложениями); в первом и втором — полугодовые (с приложениями) и годовые (без приложений); во всех трех розыгрышах участвуют все годовые подписчики с приложениями.

Конечно, все подписавшиеся с рассрочкой платежа будут участвовать во всех трех розыгрышах при своевременной доплате.

4. Кому присуждены будут поездки?

Отвечаем: тем, кто соберет наибольшее число подписчиков нашего журнала.

Теперь все ясно и понятно, а кому нет, пусть напишет. Мы сразу же ответим.

Условия подписки:

С приложениями:

На один месяц	— р. — к.
„ три месяца	2 „ — „
„ шесть месяцев	3 „ 80 „
„ двенадцать месяцев	7 „ — „

Без приложений:

На один месяц	— р. — к.
„ три месяца	1 „ 10 „
„ шесть месяцев	2 „ 20 „
„ двенадцать месяцев	4 „ — „

Подписку адресовать: Ленинград. Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

НАША ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ!

Вам известен, конечно, список тех премий, которые получают подписчики „ВОКРУГ СВЕТА“, одни из которых достанутся счастливому, а другие — энергичному. Но может ли быть оставлена без внимания и сообразительность наших читателей? Конечно, нет! А потому и объявляем наш первый конкурс на тему:

„ЖИВАЯ ЦЕПЬ“

Эта цепь должна состоять из названий всевозможных животных (зверей, птиц, рыб, змей и т. д.). Каждое название является как бы отдельным звеном цепи и каждое звено должно быть связано с другими так, чтобы две или три (один раз две, другой — три) последних буквы каждого названия составляли начало следующего названия. Одна буква для соединения звеньев цепи не годится. Вся цепь составляет не из названий либо одних зверей, либо одних птиц, либо одних рыб и т. д., но из названий всех животных. Напр.: тигр, гризли, лиса, са...? Здесь взято для примера соединение только двумя буквами и одних только зверей.

Составившие наиболее длинную „ЖИВУЮ ЦЕПЬ“
получат четыре премии:

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ, ВОРОНЕННЫЕ

ВТОРАЯ ПРЕМИЯ

ПОРТФЕЛЬ (черной или желтой кожи)

ТРЕТЬЯ ПРЕМИЯ

БУМАЖНИК КОЖАНЫЙ

ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМИЯ

КОШЕЛЕК-ПОРТМОНЭ

Фамилии выигравших премии, а также шести следующих лиц, составивших наиболее длинную цепь, будут напечатаны в журнале вместе с их решениями.

**20 АПРЕЛЯ ПОСЛЕДНИЙ СРОК ПРИСЫЛКИ
РЕШЕНИЙ.**

Редакция умышленно взяла этот далекий срок, чтобы дать возможность принять участие в конкурсе живущим далеко от центра.

РЕШЕНИЯ НАПРАВЛЯТЬ:

Ленинград, Фонтанка, 57

„ВОКРУГ СВЕТА“

